

СЕРГЕЙ САВИНОВ
АНТОН ЕМЕЛЬЯНОВ

СЛАВА КПСС

ТАЙНА
ЧЕРНОЙ «ВОЛГИ»

Сергей Анатольевич Савинов Антон Дмитриевич Емельянов Тайна чёрной «Волги»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

В городах Калининской области пропадают люди. Кого-то перед этим видели садящимся в багровый трамвай, другой уехал на черном троллейбусе. А у школ периодически замечают черную 21-ю «Волгу», которую не может догнать ГАИ. Откуда берется и куда испаряется эта загадочная техника? Милиция бессильна, граждане в панике. Кто стоит за таинственными исчезновениями? Агенты ЦРУ? Опасные сектанты? Или нечистая сила? Выяснить это предстоит следователю Валерию Камышеву из УВД Калининского облисполкома.

Авторское примечание. *Эта книга – дань городским легендам советских времен. Мы, дети восьмидесятых, росли на подобных историях, передавая их из уст в уста, рассказывая перед сном в пионерлагерях и в темноте родных дворов. И мы рады поделиться с вами этими впечатлениями.*

Содержание

Пролог	4
Глава 1. На новом месте	15
Глава 2. Мрачные легенды	21
Глава 3. ССД	30
Глава 4. Скрытая угроза	38
Глава 5. Пробудившееся зло	47
Глава 6. Необъявленный визит	55
Глава 7. Тайный отдел	63
Глава 8. Московские гости	72
Глава 9. Беспокойство	77
Глава 10. Тучи сгущаются	84
Глава 11. Странности	92
Глава 12. Крыса	102
Глава 13. Как в тумане	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Сергей Савинов, Антон Емельянов Тайна чёрной «Волги»

Пролог

Калинин, 1988 год. 9 сентября, пятница

Прессовщик Мишка Петров задержался после рабочей смены. Задержался сильно – на несколько часов, потому что мужики из цеха пригласили его «раздавить» первача. Гнала его теща Вовки Грушина, а значит, в качестве можно было не сомневаться. Все лучше, чем пшикать «Дихлофосом» в «Жигулевское», просыпаясь наутро с жуткой головной болью. Вот Мишка и не смог устоять, хотя дома его ждала законная супруга с самолично отваренными пельменями. Так у них в семье было заведено по пятницам.

В итоге домой Мишка отправился лишь в одиннадцатом часу вечера. Нетрезвой походкой он вышел из цеха, даже не сменив спецовку на повседневную одежду, прошел мимо вахтеров на проходной и двинулся в сторону трамвайной остановки. Осенние сумерки вступали в свои права, в промзоне было темно и безлюдно. Третья смена уже давно трудилась на благо перестройки, так что составить компанию

подвыпившему прессовщику было некому. На остановке он зябко ежился в гордом одиночестве.

Внезапно повеяло пронзительным холодом, Мишку пробрало буквально до костей, и он наконец-то осознал, что покинул завод в спецовке. Матюгнулся в свой собственный адрес, махнул рукой и принялся мужественно ждать трамвай. Главное, думал он, чтобы не попался вагон, который идет в парк. Это было бы со стороны судьбы слишком подло.

Раздался знакомый перестук тяжелых колес по разбитым рельсовым стыкам. Мишка с надеждой посмотрел в темноту, едва различив силуэт старой «Татры». Табличку с номером маршрута не было видно, но отсутствовала и пресловутая картонка со словами «Следует в парк». Работяга вздохнул с облегчением. Если что, доберется с пересадкой, не впервой.

Трамвай подкатил к остановке, встал и распахнул двери. Оттуда никто не вышел, но Мишку это не смутило. Кому здесь могло что-то понадобиться в такой час? Он уверенно шагнул в сторону темного салона, занес ногу над ступенькой и остановился в нерешительности. Почему внутри так темно? Где свет? Ничего же не видно, хоть глаз выколи.

Внезапно Мишку словно какой-то силой потянуло в салон, он почувствовал, что просто обязан уехать именно на этом трамвае. Замерзший работяга вдруг осознал, что хочет домой, к жене и ее пельменям, ему было страшно на этой пустой остановке темным сентябрьским вечером.

«Татра» стояла на месте, терпеливо ожидая одинокого

пассажира. Мрачная багровая краска терялась в отсутствии освещения, и Мишка удивился, поняв, что впервые видит такой трамвай. Станный багровый трамвай с темным пустым салоном. И чернота внутри словно бы шевелилась и манила его.

Мишка встал на ступеньку, схватился за поручень, сделал еще шаг. Тьма салона словно окутывала его, тянула внутрь. Он поднялся, ступил на ровный прорезиненный пол, не видя перед собой ничего и ощущая давящее чувство тревоги. Двери позади него закрылись с тихим шипением. Трамвай тихо и плавно тронулся, колеса вновь застучали по изношенным стыкам, и эхо от них разносилось далеко по пустой промзоне.

Больше Мишку Петрова пятьдесят восьмого года рождения, прессовщика комбината «Искож», беспартийного, отслужившего в рядах Советской армии положенный срок, никто никогда не видел.

* * *

Калинин, 1988 год. 13 сентября, вторник

Старший лейтенант милиции Валерий Камышев запер дверь в квартиру, придержал тамбурную на тугой пружине, чтобы не хлопнула, и направился к лестнице. Вспомнил, что не взял зонтик, однако решил не возвращаться – перед выходом он, как обычно, позвонив по телефону, проверил не

только точное время, но и погоду. Скучающий женский голос сообщил, что дождь ожидается лишь к середине дня, а в это время он уже будет в своем кабинете всю разгребать папки с делами.

Потоптавшись на месте, молодой следователь вспомнил, что ему сказала бы сейчас прабабка Маша, и усмехнулся. «Возвращаться – плохая примета», говорила она. В приметы он как заядлый материалист не верил, однако еще в детстве взял себе на вооружение правило: уходя, бери с собой все, что нужно, сразу. А если уж забыл...

– Здравсьте, дядя Валера, – раздался тихий испуганный голосок.

Первоклассница Лена Фатеева, дочка соседей по этажу, жалась к стене и вот-вот была готова заплакать, отражая на своем детском лице мировую скорбь.

– Доброе утро, – кивнул Камышев девочке. – А ты почему в школу не идешь? Опоздаешь ведь.

– Я бабу Клаву боюсь, – шепотом ответила Лена, опуская глаза.

Валерий проследил за взглядом школьницы и увидел сидящую на ступеньке черную кошку с лоснящейся шерстью. Обычное усатое и хвостатое животное, которое детская фантазия и суеверия отдельных взрослых связывали с Клавдией Макаровой, сварливой старухой из соседней многоэтажки. Раньше она жила в одном из деревянных домов, которые снесли перед строительством современного квартала, и

очень горевала по утерянному укладу. В доме Валерия жила ее подруга Алевтина Ильинична, и старушки частенько ходили друг к другу в гости. Причем Макаровна, как шептались, иногда в образе черной кошки.

– Это не баба Клава, – как можно более мягко сказал Камышев. – Это просто кошка, причем явно домашняя. Смотри, какая она чистенькая и ухоженная...

– Я ее боюсь, – губы девочки предательски задрожали, и старший лейтенант понял, что ребенка нужно отвлечь.

– Пойдем-ка мы с тобой вместе, – предложил он, подходя к девочке и беря ее за руку. – Со мной тебе никто не страшен, потому что советского следователя даже нечистая сила боится.

Лена послушно сжала ладошкой пальцы Валерия и уверенно пошла с ним по лестнице вниз. Кошка нехотя отодвинулась, пропуская их, и вскоре Камышев почувствовал, что испуганная девочка наконец-то успокоилась, ослабив хватку.

– Доброе утро, Валерий Сергеевич! – следователь обернулся и увидел улыбающуюся пенсионерку, которая перемещалась настолько тихо, будто во время войны служила в разведке.

– И вам здравствуйте, Клавдия Макаровна, – приветливо кивнул Камышев.

Черная кошка куда-то пропала, и вместо нее на лестнице стояла та самая сварливая старушенция, которая почему-то

именно с Валерием вела себя довольно-таки дружелюбно. Возможно, из-за его профессии, но сам Камышев предпочитал думать, что просто относится к пожилой женщине без предвзятости, в отличие от большинства, и она это ценит.

– На службу? – поинтересовалась Клавдия Макаровна, медленно и все так же бесшумно спускаясь по лестнице. – Девочку, смотрю, провожаете, это правильно. Людей всяких полно... Когда уже своих-то заведете, а, Валерий Сергеевич?

– Как только, так сразу, – улыбнулся Камышев, отделавшись стандартной фразой как раз для подобных случаев. – Сами ведь знаете – у нас в милиции рабочий день ненормированный. Какая жена такое выдержит?

Пенсионерка стала говорить еще что-то, и Валерий, вежливо извинившись, что сильно опаздывает, поспешил с девочкой к выходу. Уже на улице первоклашка поблагодарила его и побежала в сторону школы, стремясь успеть к началу урока. Следователь обернулся, на ходу бросив взгляд на подъезд. Клавдии Макаровны не было, видимо, еще не дошла до двери. А вот кошка трусцой бежала по двору, сверкая лоснящейся черной шерсткой.

«Забавное совпадение», – улыбнулся Камышев.

Он дошел до остановки, прыгнул в трамвай и уже через пять минут был на площади Революции. Оттуда Валерий всегда ходил до работы пешком через Старый мост, мимо Путевого дворца и Горсада. Такие прогулки помогали ему взбодриться перед длинным трудовым днем, а еще морально

подготовиться к очередной неожиданной задаче.

– Валер, тебя Степаныч к себе вызывал, – оправдывая подозрения Камышева, сказал после приветствия Костя Клинов, дежурный милиционер на входе в УВД Калининского облисполкома. – Просил сразу, как придешь, направить. Что-то срочное, видимо.

– Спасибо, – кивнул молодой следователь и направился к лестничному пролету.

Когда тебя вызывает начальство, добра не жди. Эту простую истину старший лейтенант милиции Валерий Камышев усвоил еще в первый год службы. Варианта, как правило, два: либо тебя за что-то будут разносить, либо подкинут какое-нибудь гиблое дело, в котором увязнешь, как в болоте, не справишься, а потом... Смотри, как говорится, пункт первый.

Вот почему он шел по коридору третьего этажа и старательно замедлял шаг. Его непосредственный начальник, майор Антонов, слыл человеком справедливым, но строгим. Именно в такой последовательности. А еще Виктор Степанович был настоящим маньяком службы и от своих подчиненных требовал похожего рвения. Камышев был у него на хорошем счету, но как раз это и могло осложнить парню жизнь – как холостого, его нередко отправляли в командировки по области, если местная милиция не справлялась. И сейчас Валерия мучило предчувствие, что уже сегодня вечером ему опять придется куда-то собираться.

– Разрешите войти? – майор привычно сидел за массивным рабочим столом, заваленным бумагами, и смолил свой любимый «Космос».

– Заходи, Камышев, – не глядя на него, начальник махнул рукой. – Садись. Чаю будешь?

– Не откажусь, – осторожно ответил Валерий, несколько сбитый с толку.

– Тогда, вон, бери стакан и организуй сам себе по-быстренькому, – Антонов все еще не отрывался от содержимого пухлой папки, разложенной на столе. Камышев попытался заглянуть в нее, чтобы хоть примерно представлять, во что ему предстоит вляпаться, но ни за что не зацепился. Также Валерий ждал, пока майор оторвется от изучения бумаг, но тот упорно не поднимал головы, и молодой следователь не мог оценить степень его озабоченности. А ведь от этого напрямую зависело его, Камышева, задание.

Он подошел к засаленной тумбочке, на которой приютилась переносная конфорка с закоптившимся чайником, банка с сахаром и вскрытая пачка с нарисованным слоном. Сыпанув в граненый стакан пару ложек остро пахнувшей стружки и столько же сахара, следователь залил тару кипятком. Затем осторожно вернулся на стул и присел, держа в правой руке обжигающий стакан, источающий терпкие ароматы.

– Скажи мне, Камышев, ты в партии? – неожиданно спросил Антонов.

– Никак нет, товарищ майор, – ответил Валерий. Заяв-

ку он подал еще в мае, но в горьком по-прежнему тянули, и оставался молодой следователь беспартийным.

– Понятно, – неопределенноотреагировал майор. – Впрочем, не в этом суть. Тут просто чертовщина какая-то творится. Коллеги из Андроповска прислали запрос, говорят, обстановка нервная, без нас никак не обойтись.

Камышев осторожно кивнул. Андроповск был небольшим райцентром на юге области, население тысяч пятьдесят, как в Торжке. Его переименовали в честь умершего генсека, а прежнее историческое название – Любгород – возвращать не торопились. Городок был тихим, и уровень преступности соответствующим. Но если от местных органов пришла просьба о содействии, значит, произошло что-то из ряда вон выходящее. Неужели маньяк?

– Люди там пропадают, Валера, – майор словно бы дал Камышеву время подумать и лишь спустя томительную минуту наконец-то посмотрел на подчиненного, начав объяснять суть «нервной обстановки».

– Жду подробностей, – снова кивнул следователь, отметив по выражению лица Виктора Степановича, что тот явно сбит с толку, и ситуация определенно серьезнее, чем ему показалось вначале.

– А подробности, Валера, такие, – Антонов затянулся почти догоревшим до фильтра «Космосом». – Без вести пропавшими считаются уже девять человек...

– Сколько? – Камышев даже поперхнулся чаем.

– Вот-вот, – зло оскалился майор. – Затянули они, черти андроповские.

Еще несколько лет назад фразу Антонова можно было бы посчитать крамольной, но на дворе царили перестройка и гласность, а потому его слова прозвучали всего лишь двусмысленно.

– В общем, даже несколько детей числятся без вести пропавшими, – продолжил начальник, закулив еще одну сигарету. – Зацепок почти никаких, но в каждом случае говорится о черной «Волге», которую видели рядом со школами. А еще в тех местах, где и взрослых перед исчезновением в последний раз видели... Где-то мельком, где-то прямо явно, но везде в рассказах очевидцев фигурирует черная «Волга».

– И... что с этой «Волгой»? – теперь Камышев был почти уверен в том, что в Андроповске-Любгороде действует серийный убийца.

– А то, что ничего не понятно, – покачал головой Антонов. – Ездят на ней какие-то странные личности, которые очень быстро исчезают, когда к ним проявляют интерес. Просто уезжают, и все. Словно чувствуют. Однажды, правда, за ними местные гаишники гнались. Проезжали мимо школы, увидели эту «двадцать первую» – машина-то приметная – и обратили внимание, что она без номеров. Решили докопаться, остановились...

– И? – не выдержал Камышев, начиная раздражаться на особенность командира рассказывать важные вещи с избыт-

ком риторических пауз.

– И те как рванут! – Антонов даже кулаком по столу грохнул. – Гаишники за ними. Тоже на «Волге», кстати, только на двадцать четвертой «догонялке». А они как втопили – и через пару минут уже след простыл. Мужики план-перехват объявили, ориентировку дали на черную «двадцать первую». И ничего. Понимаешь, Камышев? Ни-че-го.

Молодой следователь молчал. Пахло какой-то невероятной чертовщиной, но в нее он верить отказывался, пытаясь подобрать рациональное объяснение. Ничего пока не выходило.

– В общем, Валера, едешь ты в Андроповск – распутывать это дело, – Антонов наконец-то произнес то, что Камышев уже и сам понимал. – Иди, оформляйся.

Старший лейтенант кивнул, встал и молча пошел к выходу из начальственного кабинета. Предстоящая командировка его однозначно заинтриговала, вот только вместе с бешеным интересом Камышев ощущал еще и смутное беспокойство.

С этой чертовой «Волгой» явно было что-то нечисто.

Глава 1. На новом месте

Андроповск (бывший Любгород), 1988 год. 14 сентября, среда

Местные Камышева приняли как родного, хотя обычно коллеги из областного управления вызывают у районных милиционеров неприязненный зуд. Видимо, настолько у андроповских дела шли туго, что им было не до пикировок. На автовокзале следователя из Калинина встретил водитель на желтом помятом «козлике» с облупившимися трафаретными буквами «Милиция», отвез в гостиницу, терпеливо дождался, пока гость оформит свой приезд и заселится в номер. И только потом они направились в местный отдел.

– Здравия желаю, товарищ майор! – зайдя в нужный кабинет, Камышев по-уставному поприветствовал местного начальника, мужика с пышными пшеничными усами, но тот замахал руками.

– Валерий Сергеевич, я вас умоляю! – голос у вскочившего из-за стола офицера был высоковат для человека его комплекции. – Давайте по имени-отчеству. Платон Григорьевич я, кстати. Величук. Да вы присаживайтесь!

Майор Величук усадил Камышева на свое место и постукал костяшками толстых пальцев по пухлой стопке картонных папок с делами – к его приезду явно готовились.

– Вот это, значит, для ознакомления, – Платон Григо-

рьевич обильно потел и пыхтел в свои рабоче-крестьянские усы. – Все эпизоды объединены в одно делопроизводство, документация максимально полная. Я вас тогда оставляю, чтобы не мешать, а потом...

Величук запнулся, а Камышеву даже стало неловко из-за того, что взрослый мужик, причем старше его по званию, прыгает вокруг него, молодого калининского следака, будто провинившийся ученик перед завучем.

– Платон Григорьевич, если вас не затруднит, лучше останьтесь, – мягко, но уверенно произнес Валерий. – У меня обязательно возникнут вопросы, так что ваша помощь точно понадобится.

– Так я вам сейчас Апшилаву пришлю! – с готовностью воскликнул майор. – Эдик... то есть Эдуард Апшилава, это наш следователь, который работает над делом черной «Волги».

– Дело черной «Волги»? – Камышев удивленно вскинул брови. – То есть вы и вправду считаете, что она существует и как-то связана со всеми этими исчезновениями?

Откровенно говоря, Валерий всю дорогу до Андроповска сомневался, что к исчезновениям людей действительно имеет отношение какая-то загадочная машина. Наверняка ведь, думал он, одни очевидцы наплели, потом другие повторять стали – так и родилась очередная легенда. А местные милиционеры, чтобы прикрыть задницы перед коллегами из области, просто взяли и решили эту чушь выдать за правду. Удоб-

но ведь свалить собственную недоработку на происки западных шпионов или вовсе на нечистую силу. И все же странный червячок сомнения по-прежнему ковырялся в мозгах Камышева еще со вчерашнего дня.

— Лейтенант Апшилава вам все объяснит подробнее, — тем временем уклончиво ответил Величук, и это весьма не понравилось Валерию, от глаз которого не укрылась напряженность лица майора.

Камышев отметил для себя, что Величук чего-то опасается. Получается, либо за эту «Волгу» здесь и впрямь ухватились как за спасительную соломинку, либо майор из рук вон плохо знает работу своего отделения. Либо... В голову молодого следователя закралась тревожная мысль: а вдруг в Андроповске все и вправду настолько плохо, что ему попросту не хотят говорить об этом напрямую? Впрочем, решил Камышев, лучше сперва действительно пообщаться с этим Эдиком... Эдуардом.

Величук набрал дежурку и затребовал к себе в кабинет Апшилаву, который явился буквально через пару минут, будто только и ждал возможности. На вид чернявому коллеге было не больше двадцати пяти, да и в целом он мало походил на милиционера. Белые «аидасы», джинсы-варенки и кожаная куртка — скорее его можно было принять за кооператора или даже за рэкетира. На голове у Эдика курчавился короткий ежик, а над верхней губой чернели щегольские кавказские усики.

– Вызывал, Григорьич? – по-свойски спросил следак у майора и первым протянул Валерию ладонь для рукопожатия. – Эдуард.

– Очень приятно, – ответил Камышев. – Валерий.

– Ничего, что мы тут без званий? – Эдик вопросительно посмотрел на Величука, но тот лишь развел руками.

– Полностью это поддерживаю, – Валерий тут же перехватил инициативу. – Проще общаться, проще работать.

– В общем, парни, я вас тут оставляю, а сам в райком, – засуетился майор. – Опять ответ держать... Сам первый, – он выразительно поднял указательный палец, – лично приказал. Боюсь, на этот раз из меня душу вынут...

Он застегнул китель, надел фуражку и, что-то бормоча себе под нос, удалился. Валерий проводил его взглядом, затем посмотрел на Апшилаву, который как раз подтащил к рабочему месту Величука ободранный венский стул и уселся на него верхом.

– По-домашнему тут у вас, я смотрю, – улыбнулся Валерий, все еще подозревая местную милицию в разгильдяйстве. Однако лицо местного следака выражало искренность и открытость.

– А чего усложнять? – Эдик пожал плечами, потом резко посерьезнел. – Слушай, а тебя к нам надолго прислали?

– А что? – прищурился Камышев.

– А то, что я вокруг да около ходить не буду, – Апшилава достал из кармана куртки помятую сигарету, прикурил

от рижской «Скилтавы» в виде миниатюрного пистолетика, затянулся. – Дело у нас разваливается, Валера... И твоя помощь тут очень кстати. Вот только...

– Ну? – Камышев нахмурился.

– Мне кажется, черной «Волгой» уже бы пора КГБ заняться. Ты там у себя, в Калининe, не слышал ничего про это?

– Так, давай по порядку, – Валерий даже отложил в сторону открытую было папку, одну из многих.

– Думаю, тут не обошлось без иностранцев, – ответ Эдика его сперва огорошил, потом заинтересовал. Похоже, речь все-таки пойдет об американских или английских шпионах. И если вчера Камышеву казалось, что местные будут гнуть линию с чертовщиной, то усатый следователь явно избрал иную тактику. И Величук, получается, говоря про «Волгу», уходил от прямого ответа, чтобы в случае неудачного раскрытия дела можно было свалить вину за это на подчиненного. А возможно, что они оба просто-напросто не хотят показать свой непрофессионализм, поэтому один избегает обсуждений, а другой, снимая с себя ответственность, говорит, что местных сил явно недостаточно. Интересно, рассматривал ли Антонов именно эту гипотезу?

Однозначно рассматривал, мысленно кивнул сам себе Валерий. Просто юмор у майора своеобразный, и весь этот вчерашний туман он нагнал, чтобы его подчиненный не расслаблялся. Умеет Виктор Степанович коллег по струнке держать. Зато и раскрываемость у него на порядок выше, чем у мно-

гих...

– Ну-ка, ну-ка, – Камышев все-таки открыл папку, но смотрел по-прежнему на своего курчавого коллегу. Движения глаз, интонации, поза, жесты – все могло выдать лгуна, уверенного, что водит за нос гостя из области.

– Ты понимаешь, Валера, – доверительно начал Эдик, – слишком уж они умело действуют. Сколько раз их видели, но поймать ни разу не смогли. Машина будто заговоренная. Но такого же не бывает?

– Нет, не бывает, – уверенно покачал головой Камышев. – Все это бабушкины сказки.

– Вот и я так думаю, – кивнул Эдик. – Но факт остается фактом. Эти в шляпах от любой погони уходят...

– Кто в шляпах? – не понял Валерий.

– Дай-ка, – Апшилава уверенно выхватил у него из рук папку, быстро пролистал до нужного места, удовлетворенно кивнул и протянул Камышеву в раскрытом виде. – Вот, читай.

В поведении коллеги Валерия ничего не смутило, и он послушно погрузился в чтение.

Глава 2. Мрачные легенды

Судя по разнящимся показаниям свидетелей, причем в основном, как правило, детей, в черной «Волге» находилось от двух до четырех человек, но все они были одеты в черные плащи и черные же широкополые шляпы. В Союзе таких не носили, поэтому мысль об иностранных шпионах логично приходила в голову не только местному следаку, но и многим другим, кто видел таинственных пассажиров «Волги» — опять же детям и тем, кому они об этом рассказывали.

С другой стороны, зачем западной разведке нужны обычные советские граждане? И почему шпионы неважно какой страны выбрали такую приметную машину, как черная двадцать первая «Волга»? Наверное, именно поэтому большинство свидетелей склонялись к мысли о потустороннем происхождении как автомобиля, так и его пассажиров, тем более что взрослые их почему-то как будто не замечали. Скорее всего, решил Камышев, ребятне их образы рисовала богатая фантазия, на самом же деле таинственных преступников никто не видел. Кроме, конечно же, приписываемых им жертв.

И это действительно могло напугать. Вот почему о бандитах рассказывали от страха самые невероятные вещи — некоторые свидетели, как следовало из пояснительных записок, считали их каннибалами или даже вампирами. В итоге ничего толкового в исписанных показаниями очевидцев листах

Валерий так и не нашел, еще сильнее уверившись, что легенду о смертоносной черной «Волге» испуганные горожане передают уже, что называется, на автомате.

Камышев слышал много подобных историй, особенно их расплодилось в последние годы – как началась перестройка и рванул Чернобыль. Чем больше было новостей об ужасах аварии на атомной станции и связанных с этим теорий заговора, тем больше появлялось слухов, будто бы в домах добропорядочных калининцев внезапно завелись полтергейсты, которые упорно скрывались от ученых и органов правопорядка.

Бдительные жрицы подъездов, как майор Антонов называл любопытных бабулек, теперь не только давали наводки на иностранных шпионов и путан, но и таинственным шепотом сообщали о призраках, оборотнях и вурдалаках. Одинокие и слегка тронутые интеллигенты строчили жалобы, что их обрабатывают психотронным излучением из соседских квартир... А дворовые мальчишки передавали из уст в уста страшные истории о конфетах с лезвиями внутри и джинсах, которые вражеские агенты специально заражали опасными болезнями.

Слышал Валерий и о чудовищных мутантах в чернобыльской зоне. Будто бы бродят по тамошним лесам гигантские волки, а в Припяти однажды, якобы, выловили пятнадцатиметрового ужа. Вот только его дядя Дима, родной брат отца, был в числе ликвидаторов и ни о чем таком не рассказывал.

Наоборот, говорил, что опаснее всего в зоне люди – вооруженные мародеры, таскающие зараженные вещи из брошенных домов, а потом продающие их по всему Союзу.

– Когда их видели в последний раз? – Камышев, поняв, что свидетельские показания по делу черной «Волги» стали напоминать ему именно такие истории, оторвался от чтения и поднял глаза на Эдика.

– Сегодня, – ответил тот. – У второй школы. С пятиклассником разговаривали о чем-то из машины, но училка подошла, спугнула их.

– И ты молчал? – Валерий вытаращил глаза, все еще сомневаясь в этой мутной истории, но уже начиная что-то подозревать.

– Так я туда как раз и собирался ехать, но меня Григорыч вызвал! – Эдик вспылил, эмоционально взмахнув руками.

– Значит, поедem вместе, – Камышев решил не препираться, а сразу перейти к делу, хотя Апшилава, конечно же, был сейчас ой как неправ. Ладно, Величук его действительно вызвал к себе, но потом-то сидеть этого усача рядом никто не заставлял.

Эдик запер кабинет майора, ключ они сдали дежурному и вышли во двор, хлопнув дверью с тугой пружиной. У крыльца их ждала замызганная бежевая «шестерка», за рулем которой сидел пожилой водитель в серой кепке-восьмиклинке. Увидев Эдика, он тут же провернул ключ в замке зажигания, и гордость советского автопрома, чихнув, взревела разбол-

танным резонатором.

– Матвеич, это Валерий из Калинина, – Апшилава уступил Камышеву место впереди, а сам сел на заднее сиденье. – Старший лейтенант, если что. Валера, а это наш шофер первого класса Матвеич.

– Самого последнего, – хрипло усмехнулся водитель, которому на вид было явно уже за семьдесят, – я вас умоляю.

Он уверенно вывел машину из двора отделения на оживленную по меркам райцентра улицу. В салоне приятно пахло смазкой, как в отцовском «Москвиче», и Камышев испытал приятное чувство теплоты. Самого отца не было уже несколько лет, но молодой следователь часто о нем вспоминал. Собственно, и в милицию-то он пошел, взяв с него пример. Вот только к тому, что Сергей Петрович Камышев не доживет до пенсии, оказался не готов. «Погиб при исполнении служебных обязанностей», так теперь было написано на скромном могильном памятнике.

– Ко второй школе же? – Матвеич слегка притормозил перед поворотом и вновь разогнал «шестерку», когда Эдик подтвердил маршрут. – Нехорошая эта «Волга», так я вам скажу, ребята...

– Вы что-то знаете? – Валерий повернулся к шоферу. – Или просто факты с рассказами свидетелей сопоставили?

– У нас тут, в Андроповске, – начал Матвеич, проигнорировав обидные слова молодого следака, – до революции много храмов было. И кладбищ старых. Так вот, больше по-

ловины повзрывали еще в тридцатые-сороковые, а в остальных то склады открыли, то цеха. Сырный, к примеру...

– Это вы к чему, извините? – не выдержал Камышев, но Апшилава громко на него шикнул и даже треснул по спинке сиденья.

– Во-от, – Матвеич, оказавшийся обладателем олимпийского спокойствия, словно бы не заметил нетерпеливость Валерия и продолжил. – А вместе с Успенским собором, самым главным, старое кладбище бульдозерами сровняли. Хотели дома новые строить, но в итоге передумали, долгое время там пустырь был, потом разбили парк. Место-то красивое. Поставили концертную площадку, танцульки стали устраивать. Старые люди предупреждали, что добром это не кончится, но кто ж их слушал... И тут парни молодые пропадать начали. В семьдесят девятом это было. Как ни танцулька, так исчезнет кто-то. А потом стали замечать, что какая-то девушка туда постоянно приходит, но кто и откуда – неизвестно. Одно точно – не местная. И парней этих пропавших в последний раз с ней видели.

– Интересно... – протянул Камышев, осознав, что слушает очередную страшную байку.

– Многие с ней танцевали, но пропадали в основном те, кто провожать ее ходил, – пожилой водитель кивнул. – Потом уже кто-то заметил, что девчонка на машине всегда уезжала. Вернее, увозили ее. На черной «двадцать первой» без номеров. Но парней при этом уже никто не видел. Куда они

проваливались, черт их знает.

– И что, в итоге никого так и не нашли? – уточнил Валерий, отметив совпадение важной детали этой истории с тем, что происходило сейчас. – И не та ли это черная «Волга» сейчас по Андроповску разъезжает?

Он понял, что ищет слабые места не столько в рассказе Матвеича, сколько в своем нынешнем деле о пропаже людей. Логично ведь было предположить, что старая легенда всплыла именно в то время, когда город захлестнуло волной таинственных исчезновений. Милиция бессильна, а значит, опять-таки виноваты если не иностранные шпионы, то выходцы из потусторонних миров. Кто-то, как этот пожилой водитель, вспомнил историю из конца семидесятых, присочинил, что видел черную «Волгу», другой добавил деталей... И пошла по Андроповску гулять байка о таинственных вурдалаках на «двадцать первой».

– Кто ж ее знает, – Матвеич тем временем пожал плечами, отвечая на вопрос калининского следака. – Я лично той «Волги» ни разу не видел. Ни в семьдесят девятом, ни сейчас. Но слышал и то, будто «Волга» была двадцать четвертой. Или даже вовсе не «Волга», а «Чайка».

– Вот по дороге едет ЗИМ, и я им буду задавим... – пробормотал Валерий, вспомнив строчку из одной своей любимой книги. А потом уже громче напомнил старику о другой части своего вопроса. – С парнями-то пропавшими что в итоге? Нашли их? А девушку?

– В один момент исчезновения прекратились, – ответил Матвеич. – Ближе к концу лета. Как ножом отрезало. А пропавших так и не нашли – ни живых, ни мертвых. Как и преступников с той девушкой-приманкой. Как в воду канули.

Валерий, решивший было махнуть на рассказ старика рукой, против своей воли почувствовал, что на душе у него будто кто-то поскребся. Он даже поерзал на сиденье, чтобы отогнать это ощущение. Но осадок остался. С одной стороны, история, рассказанная Матвеичем, отдавала какой-то явной мистикой, завязанной на фактах об оскверненном кладбище. С другой, вряд ли они всей андроповской милицией договорились везде и всюду пихать эту «двадцать первую», взяв за основу байку почти десятилетней давности... Как бы то ни было, люди в этом городе действительно пропадали. И, между прочим, дети. Этот факт тревожил Валерия Камышева больше всего. Черт его знает, может, загадочный маньяк как раз и передвигается по городу на черной «Волге», чтобы напугать своих жертв и создать вокруг себя романтический ореол. А гаишники... Да что гаишники! Испугались «членовоза», вот и наврали с три короба, будто упустили загадочную машину во время лихой погони. Главное, чтобы убийцей или убийцами, если их все-таки действительно несколько, не оказался кто-то из местных или даже заезжих верхов. Сейчас, конечно, не застойные времена, управу найти на всех можно. Но палки в колеса ставить точно будут, если вдруг подозрения подтвердятся.

– Слушай, Эдик, – Валерий обратился к своему усатому коллеге. – А вы эту «Волгу» пробить пытались через ГАИ? Город у вас, извини, маленький, такие машины должны быть наперечет. Может, из райкома кто...

– Не-а, – отозвался Апшилава. – Все «членовозы» в Андроповске – двадцать четвертые.

– Надо будет запросить у соседей, – предложил Камышев.

– Сделаем, – покладисто ответил его новый знакомый.

А Валерий уже выстраивал у себя в голове вероятный сценарий развития событий. Идея с маньяком из номенклатуры, использующим свое служебное авто и охранников, казалась ему претенциозной, но отнюдь при этом не невозможной. По крайней мере, это было реалистичнее странных людей в широкополых шляпах, которые катаются на «Волге» без номеров и запросто уходят от погони гаишников. Кстати, о номерах... Может, он их снимает, чтобы запутать следствие? Так сказать, и легенду громкую создает внешним видом машины, и сохраняет инкогнито. Вот только надолго ли? Как бы то ни было, действует он в целом довольно-таки неприкрыто. Главное, чтобы Величук, Апшилава и другие местные не были повязаны с этим потенциальным душегубцем из райкома...

– Приехали, – объявил Матвеич, прервав размышления Камышева.

Валерию захотелось расспросить его о том, что сделалось дальше в его истории, сколько парней пропало, когда это

прекратилось. Может, та загадочная девушка была любовницей одного из членов партийной номенклатуры? А тот как раз оказался ревнивым и кровожадным душегубом, мстившим молоденьким парням за их юность. Эдакий Отелло из Андроповска. Отбросить всю эту мистически-романтическую шелуху – и будет вполне себе рабочая версия. Но для начала нужно поговорить со свидетелями, которые буквально пару часов назад видели загадочную черную «Волгу» с не менее загадочными пассажирами, и расставить все точки над i.

– Вон туда, – Эдик легонько стукнул Валерия по руке, указав на двор старенькой обшарпанной двухэтажной школы, где под надзором молоденькой пионервожатой прогуливалась группа продленного дня.

Глава 3. ССД

– Значит, дошло дело до товарищей из Калинина? – директор второй андроповской школы Зоя Михайловна Петрик смотрела на Камышева со странной смесью скепсиса и надежды.

Они встретили ее в коридоре, когда строгая пожилая женщина с кичкой седых волос с неуместной для ее пола и возраста военной выправкой отчитывала молоденькую учительницу за слишком короткую юбку и яркую косметику. Та морщилась при каждом слове своей начальницы, но покорно стояла, опустив голову. То ли от стыда, то ли чтобы никто не увидел, как некрасиво кривятся губы, словно выговаривая какие-то непривычные для человеческого рта слова... При виде служебных удостоверений Зоя Михайловна обрадовалась, а проштрафившаяся девчушка, явно только после училища, наоборот, еще больше сникла. Однако Валерий был непреклонен и твердо пресек попытки Петрик включить его и Эдика в школьные разборки. Директриса с явным сожалением в голосе отпустила красную как вареная свекла учительницу, и та убежала прочь.

– Я лишь помогаю андроповским коллегам в их расследовании, – дипломатично ответил Камышев на уже подзабытый, но от этого не менее провокационный вопрос Петрик. – Нам бы поговорить с учительницей, которая видела черную

«Волгу» сегодня. И с ребенком тоже.

– Это Ваня Самуйлов, – кивнула Зоя Михайловна. – У них сейчас заканчивается последний урок, я попрошу педагога отправить мальчика ко мне в кабинет. Там вы сможете с ним поговорить. А учительница, о которой идет речь, это наш математик Евгения Яковлевна Скрыль. У нее сейчас «окно», так что можете пообщаться.

– Где нам ее найти? – любезно уточнил Камышев.

– Четырнадцатый кабинет, – Петрик строго посмотрела на него поверх очков. – И не забудьте, что через двадцать пять минут вас будет ждать Ваня. Надолго я его задержать не смогу, сами понимаете. Родители волнуются, детей встречают после школы... Так что давайте, товарищи милиционеры, не посрамите погоны.

Выдав эту сентенцию, Зоя Михайловна уверенным шагом направилась прочь, двигаясь совершенно не по-женски, а как старый солдат в юбке. Эдик выждал пару секунд, воровато оглянулся, потом попил воды из школьного фонтанчика.

– Детство вспомнил, – улыбнулся он Камышеву, который терпеливо ждал, пока его коллега утолит жажду.

Евгения Скрыль оказалась высокой женщиной под сорок с длинной русой косой и вытянутым лицом, на котором резко выделялись старомодные круглые очки. Одета она была по-мужски, в клетчатую рубашу и бесформенные штаны, и если бы не молоденькая учительница, подвергшаяся остра-

кизму со стороны директрисы за мини-юбку, и еще парочка ее коллег, Валерий решил было, что в этой школе явно что-то не так с женственностью. Хотя кто-то точно бы записал одну молодую особу в ведьмы – следователь снова с улыбкой вспомнил свою прабабку Машу и ее привычку вешать подобные ярлыки. Яркая одежда и подлый характер, говорила она, верные признаки. Вот только советская власть давно уже доказала, что сила не в чёрте, а в прямых руках и сильной воле. Валерий невольно вспомнил Петрик: уж на эту даму, явно послужившую в армии, можно хоть тысячи проклятий повесить, ей будет все равно. Только сплюнет и пойдет дальше тащить на себе школу, несмотря на любые проблемы.

– Евгения Яковлевна, у нас к вам, как вы понимаете, есть вопросы, – обратился к математичке Камышев, когда они с Эдиком представились и показали удостоверения.

– Конечно, – с готовностью кивнула Скрыль и жестом пригласила следователей присесть за парту в переднем ряду.

Валерий с трудом разместился на маленьком стуле, но вариантов не было. Аппилава присел рядом, достав яркий блокнот. На обложке была изображена девушка в откровенном наряде, и Эдик, смутившись, быстро прикрыл ее.

– Расскажите нам для начала, что сегодня произошло, – попросил Камышев.

– Я живу здесь неподалеку, – начала Скрыль, сделав перед этим глубокий вдох. – Во время большой перемены решила забежать домой, покормить кота. А когда возвращалась,

увидела, как машина, о которой в последнее время в городе только и разговоров, стоит возле нашей школы.

– Что вас смутило в этой машине? – уточнил Валерий. – Почему вы обратили на нее внимание? Разве это единственная двадцать первая «Волга» в Андроповске?

– Ну, как... – Евгения Яковлевна поправила сползшие с переносицы очки. – Такие машины в городе есть, но черной, насколько мне известно, ни одной. В райкоме у всех более новые «Волги».

– Как я и говорил, – ввернул Апшилава. – Там сплошные «двадцатьчетверки» и одна тридцать один ноль-два.

– Так, дальше, – Камышев жестом попросил Эдика не вмешиваться.

– Меня это сразу же взволновало, – Скрыль одновременно нахмурила брови, вздернула нос и поджала губу. – В первой школе пропали два ученика, и перед этим их видели рядом с той машиной. У нас, к счастью, такого не было, но мы бдим. Я поспешила к этой «Волге», чтобы спасти ребенка – он стоял рядом и о чем-то говорил с одним из пассажиров. Я окликнула мальчика, он обернулся, и в этот момент двигатель машины завелся. Она резко тронулась с места и скрылась.

– Вы запомнили пассажира? – с надеждой спросил Валерий, отметив, что обязательно нужно будет добраться до первой школы. – Сможете его описать?

– К сожалению, его не было видно из-за солнечных бликов

на стекле, – вздохнув, развела руками математичка. – А в салоне при этом как будто бы, наоборот, была темнота.

– Номер увидели? – вклинился Эдик.

– Номера не было, – Скрыль покачала головой.

– Ясно, – кивнул Валерий. – А машину эту вы видели в первый раз?

– Возле нашей школы – да, – ответила Евгения Яковлевна. – А так пару раз она попадалась в городе. Рядом с кладбищем, например.

– Интересное времяпрепровождение, – пробормотал Камышев.

Он попросил Скрыль дать письменные показания, затем они с Апшилавой, как и договаривались, поспешили в кабинет к директрисе Петрик, где их уже ждал пятиклассник Ваня Самуйлов, которого спасла сегодня математичка. Происходящее Камышеву одновременно и нравилось, и беспокоило. Нравилось – потому что картина все-таки начала вырисовываться. А пресловутая черная «Волга», похоже, обрела реальные очертания. Вот как раз этот факт Валерия и беспокоил – по его мнению, лучше бы она и впрямь оказалась пугающей городской легендой.

По пути им снова попала та симпатичная молодая учительница, которую отчитывала директриса. Валерий прищелкнул – да уж, внешность яркая, наверняка от педагогов-мужчин отбоя нет. Вот только, судя по мрачному выражению лица, она явно по-прежнему была не в духе после на-

чальственного нагоняя.

– Чего это она? – удивился Эдик, обернувшись вслед учительнице, когда она прошла мимо них с Камышевым, на ходу бормоча что-то себе под нос.

– Допекла ее, видимо, Зоя Михайловна, – Валерий пожал плечами, слегка притормозив и провожая красавицу задумчивым взглядом.

Девушка остановилась, продолжая выговаривать что-то неразборчивое, словно бы даже нараспев, и не ответила поприветствовавшему ее учителю физкультуры. Тот прошел мимо следователей, неся под мышкой оранжевый баскетбольный мяч и покачивая головой. Видимо, тоже расстроился.

– Пойдем, – Апшилава тронул Камышева за локоть, и оба направились дальше.

– Прошу вас, товарищи милиционеры, – когда они наконец-то добрались до просторного кабинета директора с неизменным портретом Ленина на стене, Зоя Михайловна широким жестом пригласила их за массивный стол для совещаний. – А вот наш Ваня Самуйлов.

Сидевший на явно неудобном для него большом стуле мальчишка нахохлился и пристально смотрел на следователей из-под опущенных и сведенных бровей. Ноздри его слегка раздувались, а губы были плотно сжаты. Это говорило о том, что парнишка в гневе, но причина Камышеву была пока не ясна.

– Вы по поводу диверсантов на «Волге»? – спросил, набычившись, Ваня. – Еще бы завтра зашли.

– Так, давай без грубостей, – осадил его Валерий. – Ты ведь, я вижу, пионер, вот и води себя соответственно.

– Извините, – пробормотал мальчик. – Я просто, как мог, старался их задержать, а Евгения Яковлевна их спугнула. Надо было ей сразу вам звонить!

– А вот с этого места поподробней, – заинтересовавшись, попросил Камышев, жестом заставив замолчать возмущившуюся было директрису. – С чего ты решил, что это диверсанты?

– Так они разговаривали очень странно, – ответил Ваня. – Как будто искусственно. В книжках так люди общаются и в кино про иностранцев. А еще они меня с собой уговаривали поехать – обещали показать какое-то дивное место. Это так тот сказал, лысый.

– Лысый? – заинтересовался Камышев. – Это хорошо, что ты его запомнил, потому что Евгения Яковлевна никого не увидела.

– Так она и не могла никого в этой машине увидеть, потому что далеко была, – мальчик вытаращил глаза, словно удивляясь недогадливости калининского следователя. – А я одного этого точно запомнил. Лысый, даже бровей и ресниц нет, лицо круглое... Шляпа такая как в кино. И пальто черное с высоким воротом, шею не видно.

– А других ты не разглядел? – уточнил Валерий. – Как они

выглядели?

– Нет, – школьник помотал головой. – Я с этим лысым разговаривал, отвлекал его внимание... Чтобы задержать, а милиция бы прибежала и схватила его. И остальных его подельников. Там их еще вроде бы двое было – вместе с водителем. Тоже в шляпах и в пальто, это я разглядел...

Валерий мельком взглянул на Апшилаву – тот со скоростью пулемета строчил что-то в своем пошлом блокнотике.

– Ты молодец, Ваня, – кивнул Камышев. – Но давай ты больше не будешь пытаться самостоятельно задержать диверсантов, а лучше зови в следующий раз милицию или хотя бы просто кого-то из взрослых. Дело в том, что это очень опасные люди.

– Знаю, – вздохнул школьник. – Они пытаются извести всех советских детей.

– Ваня! – строго одернула мальчика директриса.

– Подождите, Зоя Михайловна, – сказал Камышев. – Иван, тебе это откуда известно?

– А вы разве не слышали? – пятиклассник снова округлил глаза. – Какой же вы тогда милиционер? Всем же известно, что диверсанты передвигаются на черной «Волге» с номерами «смерть советским детям»! ССД!

Глава 4. Скрытая угроза

– То есть номер на ней все-таки был? – вскинулся Эдик, услышав новую деталь.

А вот Камышев не стал торопиться с выводами. И, как оказалось, правильно сделал.

– Наверное... – мальчик неожиданно потупил взор. – Мне кажется, да.

– Вспомни хорошенько, Ваня, – строго сказал Валерий, уже понимая, что его маленький собеседник или присочинил деталь про номер «ССД», или искренне и безоговорочно верил в его существование. – Это очень важно.

Школьник наморщил лоб и зашевелил губами, задумчиво посмотрев на потолок. Потом помотал головой.

– Мне кажется, что я разглядел номер, но уже не уверен, – разочарованно выдохнул он. – Увидел, что это черная «Волга», и сразу решил начать действовать.

– Хорошо, спасибо тебе, Ваня, – поблагодарил мальчика Камышев, мысленно выдыхая от осознания, что чертовщиной здесь все же не пахнет. – И не забудь, о чем мы с тобой договорились...

– Честное пионерское! – школьник выпрямился и приложил ладонь ко лбу.

– Верю, – кивнул Валерий. – И ты мне еще вот что скажи...

– Товарищ следователь! – кашлянув, строго обратилась к нему Петрик, но Камышев жестом показал, что ему нужно еще буквально пару минут.

– Раз ты столько знаешь о диверсантах, – Валерий использовал свой опыт общения с племянником, сыном сестры, которому сейчас было примерно столько же, сколько и Ване, – то наверняка что-то слышал о девушке на танцах... Она, как говорят, тоже на этой черной «Волге» ездила.

– Конечно, слышал! – гордо сообщил Ваня. – Потом она пропала, когда один из парней погнался за «Волгой» на мотоцикле. Они мчались очень быстро, и вдруг на повороте из окошка машины вылетела черная простыня, закрыла ему лицо... Он ничего не видел, вылетел в кювет и разбился. А потом на этом повороте нашли много поломанных мотоциклов, но трупов не было. И та девушка больше не появлялась.

Камышев, услышав эту историю, кисло улыбнулся, но все равно поблагодарил Ваню Самуйлова, который сразу же побежал к родителям, ждущим его на крыльце школы. Черная простыня, значит, вылетела...

– Зоя Михайловна, Зоя Михайловна! – в кабинет директрисы без стука ворвалась ураганом испуганная женщина лет пятидесяти с окрашенной фиолетовой краской сединой. – Там Дмитрий Борисович ногу сломал!

– Как сломал? – Петрик, поначалу явно планировавшая испепелить неожиданную гостью своим гневным взглядом, была сбита с толку. – Что произошло, Эльвира Константи-

новна?

– Сорвался с каната во время урока! – дама с фиолетовой шевелюрой от волнения пританцовывала на месте.

– «Скорую» вызвали? – Камышев перехватил инициативу. – Показывайте, где это произошло.

В спортзал они примчались целой делегацией – оба следователя, Петрик, а также постоянно охающая и причитающая Эльвира Константиновна. Пострадавший лежал на деревянном полу, мужественно сдерживая стоны, его осматривала школьная медсестра, а испуганные ребяташки окружили место происшествия полукольцом.

– Дмитрий Борисович, как это случилось? – Петрик решительно приблизилась к пострадавшему физруку.

Валерий узнал его – это был тот самый педагог, которого проигнорировала молодая красотка, встреченная ими в коридоре и бубнящая что-то непонятное, будто заклинания какие-то читала. И опять калининскому следователю вспомнилась прабабка Маша с ее рассказами про ведьм, но он тут же отмахнулся от назойливых мыслей.

– Не знаю, Зоя Михайловна, – физрук говорил с трудом. – Ребятам показывал упражнение, канат резко порвался, и... В общем, адская боль – я же с самого верха, как назло, летел.

– И как же канат мог порваться? – Петрик уже начала косяться на Камышева с Апшилавой, и ее можно было понять. Неисправное школьное оборудование было на ее совести, и как недосмотревший беду руководитель она могла пойти под

суд.

– Да не знаю я! – раздраженно и в то же время жалобно ответил Дмитрий Борисович. – Его же меняли, он новый должен быть. Как проклятие какое-то!..

«Опять проклятие, – подумал Камышев, невольно вспоминая учительницу-красотку. – Любите вы в своем Андроповске чертовщину...»

Он склонился над валяющимся тут же канатом, взял его в руки и принялся внимательно рассматривать. Эдик, с любопытством наблюдая за его действиями, стоял рядом.

– Давно меняли? – Камышев повернулся к директрисе, демонстрируя распушившийся конец оборвавшегося каната. – Он явно не новый, с этой стороны даже серый весь.

Похоже, кому-то придется ответить за кражу школьного имущества, подумал Валерий. Нет никаких сомнений, что на новом канате попросту сэкономили, а распределенные на его покупку деньги из кассы присвоили. Следователь посмотрел на побледневшую Петрик – еще недавно он был уверен, что для своей школы эта железная женщина сделает все. Неужели это она провернула такую махинацию?

– Надо подключать ОБХСС, – подал голос Эдик.

– Зоя Михайловна? – Камышев обратился к директрисе. – У вас есть что сказать? Пока что не для протокола.

– Мой зам по АХЧ, – твердым голосом сказала Петрик. – Лев Миронович Котов. Я думала, что его промахи остались в прошлом... Я ошибалась. Значит, буду нести ответствен-

ность вместе с ним.

Директриса, поджав губы, резко вскинула подбородок. Похоже, она действительно была готова понести наказание, подумал Камышев. Такие люди, как эта Петрик, умеют признавать свои ошибки и недоработки.

Весь следующий час они потратили на то, чтобы дожидаться сотрудников ОБХСС и ввести их в курс дела. Физрука на «скорой» отвезли в больницу, Котова задержали, а с Петрик, учитывая ее заслуги, пока просто взяли подписку о невыезде.

– Что думаешь? – спросил Камышев Апшилаву, когда они, закончив дела, наконец-то покинули здание и направились к «шестерке» со скучающим от безделья Матвеичем.

– Петрик жалко, – ответил курчавый коллега. – Она же реально за школу болеет, по ней видно. Лет пятнадцать уже директор, еще я ее помню. А этот Котов ее под монастырь подвел как своего непосредственного руководителя.

– Это понятно, – терпеливо кивнул Камышев. – А на то, что Ваня рассказывал, как смотришь?

– На самом деле пацаненок не так уж и не прав, – покачал головой Эдик. – Про кладбище мотоциклов он, конечно, загнул. И про эту дурацкую черную простыню... Однако парни после тех танцев действительно пропадали, как и наш старик, кстати, рассказывал. И девчонку странную многие видели, за которой «Волга» приезжала. Те, кто с ней дела не имел, все выжили. А кавалеры незадачливые, которые про-

водить ее ходили, теперь явно в лучшем мире. Найти их во всяком случае так и не смогли. Даже тел. А танцульки потом в итоге прикрыли, и в парк этот особо никто не ходит теперь. Бабушки говорят, мол, место проклятое, потому что на костях.

– Понятно, – кивнул Валерий. – Только скажи мне честно.

– Я всегда честен! – вскинулся Эдик. – Я вообще-то советский милиционер, я присягу давал!

– Ладно, не кипятись, – Камышев примирительно выставил руки вперед. – Просто сам понимаешь... Выглядят все эти истории, мягко говоря, не очень убедительно. Черная «Волга» без номеров, на которой ездят загадочные иностранцы в шляпах, пропавшие мотоциклисты...

– К тому, что городской парк стоит на проклятом месте, я и сам отношусь скептически, – усмехнулся Апшилава. – Но парни после танцев и впрямь пропадали, тут Матвеич не врет. Можешь у нашего майора спросить, дело в архиве лежит. А убийц действительно так и не нашли. Как, впрочем, и трупы.

– А «Волга»? – спросил Камышев.

– Что «Волга»? – Эдик был заметно сбит с толку.

– Ну, за девчонкой той на самом деле «двадцать первая» приезжала? – Валерий решил уже не осторожничать, а спросить напрямую. – Или Матвеич просто местную байку пересказывает?

– Рассказывают, что да, именно «двадцать первая», хотя и про «Чайку» я тоже слышал, – усатый следователь неопре-

деленно пожал плечами. – Сам-то не видел, хотя на те танцы одно время ходил. Потом родители запретили, когда слухи о похищениях поползли. Да и лет много прошло, что-то наверняка забылось. Говорят, там какой-то член КПСС на этой черной машине разъезжал – то ли из соседнего района, то ли из Калинина. Черт его знает, как оно на самом деле было.

Апшилава эмоционально сплюнул, а Валерий задумался. Версия с маньяком из номенклатуры пока что получила лишь косвенное подтверждение, но она ему все равно нравилась гораздо больше тех, где фигурировали шпионы или нечистая сила. Тот мальчик, Ваня Самуйлов, рассказывал, правда, что лысый пассажир говорил с акцентом. Может, он родом из Прибалтики? Кавказец или уроженец Средней Азии отмечается – мальчик бы это отметил. Значит, у неизвестного была вполне европейская, даже русская внешность. И школьнику из маленького Андроповска такой персонаж вполне мог показаться «киношным» иностранцем. Что ж, уже можно сказать, что есть немного зацепок. Надо будет теперь отправить запрос своим в Калинин, чтоб узнали, кто в области из номенклатуры с прибалтийскими корнями был или есть. И, конечно, сходить в первую школу – разговор будет тяжелым, так как пропавших учеников оттуда пока так и не нашли... Но сделать это необходимо. Чтобы больше никто не пострадал.

– Слушай, ты поесть не хочешь? – Камышев неожиданно почувствовал, что он голоден, как стая акул, и готов прогло-

тить слона. – Где тут у вас нормальная столовая?

– Пойдем, лучше у моих пообедаем, – предложил Апшилава. – У меня бабушка готовит так, что за ушами трещать будет. Ачапа, цицмат, хачапур!..

– Ладно, уговорил, – Камышев со смехом остановил поток экзотических абхазских слов. – У меня уже слюнки потекли.

* * *

Калинин – Москва, 1988 год. 14 сентября, среда
Бродяга – Советнику

Довожу до вашего сведения, что в Калининской области имеют место странные исчезновения людей. Девять случаев в Андроповске, по два происшествия в Торжке и Ржеве, один инцидент в самом областном центре. Во всех эпизодах кроме последнего фигурирует автомобиль «Волга» ГАЗ-21 черного цвета. Государственные регистрационные знаки отсутствуют.

Очевидцы, в большинстве своем дети, описывают двух-трех (иногда четырех) пассажиров, одетых «по-чуждому» или «по-западному». Зафиксированы три попытки взаимодействия правоохранительных органов с указанными людьми. Ни одна из них не увенчалась успехом (рапорты милиционеров прилагаю). По предварительным оценкам, скорость автомобиля значительно превышает установленную заводом и составляет до ста пятидесяти километров в час.

Калинин – единственный город из указанных выше, где замечен так называемый «красный трамвай». Подчеркну, что ранее этот объект фигурировал в расследованиях в Казани и Свердловске. Связать все случаи напрямую не представляется возможным, однако сходство явления, на мой взгляд, налицо.

Новая информация от агентов на местах в Калининской области запрошена. О результатах сообщу в условленное время.

Конец связи.

Глава 5. Пробудившееся зло

Каликинский лес близ Андроповска (бывшего Любгорода), 1988 год. 14 сентября, среда

Константин Ильич Федякин, крепкий пенсионер, перебравшийся в Калининскую область из Воркуты, где полжизни отдал угольной шахте, очень любил тихую охоту. Когда наступал сезон, он каждое утро, пока бабка и частенько гостившие у них внуки видели десятый сон, вставал спозаранку, готовил себе яичницу, кипятил чай и собирался в лес.

Жил Федякин на самой окраине Андроповска, а потому до грибных мест было рукой подать. Но Константин Ильич, будучи человеком опытным, сознательно шел в самые дальние дебри – туда, куда неопытным грибникам и в голову не придет забраться. Для этого требовалось прошагать пять километров по шоссе, потом еще пару километров вглубь чащи, к старым торфяным разработкам. Неблизко, зато с собой Федякин всегда приносил две переполненные корзины. Он бы и рад был взять третью, вот только рук не хватало.

Этим туманным сентябрьским утром энергичный пенсионер вновь выдвинулся на охоту. По шоссе его время от времени обгоняли редкие автомобили, затем, свернув к чаще, он погрузился в природные звуки, которые всегда его успокаивали. Шелест листвы на ветру, трескотня дятлов – Константин Ильич впитывал все это телом и душой, радуясь, что

нашел под конец жизни действительно прекрасное место.

Но сегодня его единение с природой оказалось нарушено. Когда Федякин наклонился за очередным подберезовиком, где-то неподалеку послышался мерный звук моторов. Старик удивился, ведь еще ни разу во время его тихой охоты никто не забирался сюда на колесах. Да и не получилось бы, даже если бы захотел – по заросшей лесной дороге можно было проехать разве что на танке, ломая кусты и стволы молодых деревьев. Но слух Федякина не обманывал.

Звуки ревущих моторов становились все громче и все отчетливей. Сомнений не было – по густому лесу двигалась целая колонна. А вскоре Константин Ильич смог увидеть и самих возмутителей спокойствия.

По лесу, виляя между деревьев, двигалась вереница пожарных машин. Сто тридцать первый ЗиЛ, огромный шестиколесный «Урал», пара «газончиков», штабной автобус и гусеничный вездеход с пенным стволом. Они ехали, судя по звуку, на второй передаче, выдерживая строгую дистанцию.

«Может, учения?» – старик задумчиво почесал затылок.

Машины ехали уже мимо него, по низине, разрывая туман яркими фарами и подсвечивая белесую «вату» синими проблесковыми маячками. Что-то было в этой колонне странное, что-то, что заставило сердце Федякина сжаться в комочек. По спине грибника побежали мурашки, ему захотелось вдруг броситься прочь. Нестись сломя голову, не разбирая дороги. Но он по-прежнему стоял и заворуженно смотрел на

движущуюся технику.

Внезапно головная машина ухнула вниз, уйдя под землю и мгновенно при этом вспыхнув. Затем вся колонна уже полыхала, проваливаясь в невидимую трясину. Федякина бил крупная дрожь, он выронил корзину из рук, прошелся по рассыпавшимся грибам. Покрывшись липким холодным потом, старик осознал, что не чувствует жара от горящих машин. Не ощущает смрад черного дыма от плавящихся по крышек и расползающихся от критических температур дерматиновых сидений. А еще... Еще Константин Ильич услышал дикие крики, проникающие ему в самую душу, под кожу, холодящие и заставляющие замереть от ужаса.

Все закончилось так же резко и неожиданно, как и началось. Горящие машины словно бы растворились в тумане, и через минуту ничто уже не напоминало о жуткой трагедии, разыгравшейся на глазах грибника. Федякин сумел сбросить оцепенение и рванул в сторону шоссе, оставив обе корзинки возле березы. Но сейчас его мысли были заняты лишь одним – поскорее выбраться к людям.

Когда Константин Ильич выскочил, наконец, на спасительный асфальт, водитель проезжавшего по шоссе молоковоза заметил его слишком поздно. Он ударил по тормозам, машина пошла юзом и снесла грибника, оборвав его переставшую быть спокойной и размеренной жизнь. А вместе с ней и невысказанное свидетельство о призрачной колонне в лесу.

Андроповск (бывший Любгород), 1988 год. 14 сентября, среда

Обед у родственников Эдика растянулся на несколько часов и грозил плавно перейти в ужин, хоть Камышев и старался максимально сократить разговоры за столом. Однако гостеприимных кавказцев было трудно остановить.

И родители Апшилавы, и старики буквально завалили калининского гостя вопросами, будто бы он приехал не из областной столицы, а из белокаменной. А Валерий в очередной раз убедился, что люди в райцентрах и деревнях не справляются с возросшим в последние годы информационным потоком. Экстрасенсы, чернобыльские мутанты, набивший оскомину полтергейст, «мясорубка» в московском метро – Камышев еле отбивался от правды, полуправды и откровенных слухов. Зато потом, когда его собственный источник сведений окончательно иссяк, семейство Апшилава перешло к местным слухам. И вот тогда Валерий начал напоминать себе ЭВМ «Роботрон» из Восточной Германии – он едва успевал анализировать данные, полученные от андроповских абхазов.

– Нарушилась связь времен, – глядя куда-то вдаль, говорил дед Заур. – В старину Любгород был защищен от зла, потом защиту сняли, когда стали уничтожать наследие про-

шлого. Сколько монастырей было загублено, сколько храмов взорвано! Сколько захоронений старых растревожено! Вот и прорвался гнойник, вышло зло наружу.

– Что за зло-то, дед? – вытирая губы салфеткой, уточнил Эдик. – Ты про «Волгу», которую мы разыскиваем?

– Машина, внук, это лишь инструмент, – старик по-прежнему не смотрел ни на одного из своих собеседников. – Вам искать нужно не проявление зла, а само зло. Нарыв, из которого вытекает в наш мир все бесовское и нечистое.

Подобные теории, только высказанные по-разному, Камышев в последнее время слышал все чаще, но списывал их на гласность. Если раньше после обсуждения чертовщины можно было загреметь на Фурманова, а то и в Бурашево, то сегодня некогда выдержанная советская пресса подпитывала людской интерес сенсациями, и это стало в порядке вещей. А потому Валерий пропускал мимо ушей стариковскую софистику, однако моментально превращался в слух, когда Заур говорил о чем-то странном, но при этом весьма конкретном.

– Причем природа нам уже не раз посылала сигналы, – старик неожиданно оживился. – Думаете, в Чернобыле станция взорвалась просто так? Это тоже гнойник прорвало... Или вот, например, в семьдесят втором году – жара стояла невыносимая. И загорелись торфяники – что под Москвой, что у нас тут. Даже войска ввели, помню. Настолько страшный пожар был.

– Дед Заур у нас в пожарной части служил, – Эдик тепло

посмотрел на старика. — В лесоохране.

— Было дело, — кивнул аксакал. — Тушили большими силами. И люди гибли, проваливались вместе с техникой в торфяные пустоты. Стоит себе экскаватор, работает, роет защитную траншею. А под ним торф как провалится — и вниз машина летит, по самую крышу, только стрела лишь слегка торчит. И огонь там такой, что не выберешься. Разве что закричать успеешь. А однажды целая колонна машин в огне пропала. «Зилы», «Уралы», «газоны». Человек тридцать в самое пекло угодили...

Валерий помнил это невероятно душное и дымное лето. Ему тогда было двенадцать лет, и они с друзьями по двору изнывали в квартирах, потому что родители запрещали гулять на улице и вдыхать гарь. По телевизору в программе «Время» рассказывали, что борьба с природными пожарами ведется успешно, однако отец говорил, что без жертв, к сожалению, все-таки не обошлось. Просто на этом решили не заострять внимание: головы полетели, ошибки постарались учесть и что-то исправить, но вот обнародовать то, что при этом вылезло, никто не спешил.

Он обсуждал это исключительно с матерью, думая, что дети, Валерий и его старшая сестра Таня, не слышат. Однако на самом деле они, затаив дыхание, жадно ловили каждое слово из соседней комнаты, и по ночам будущему следователю еще долго снились кошмары с огнем и полыхающими пожарными. Так длилось до самой осени, когда торфяники

наконец-то перестали гореть.

– И как нам быть, дед? – спросил Эдик, когда старый Заур неожиданно замолчал.

– Подскажите, что мы можем сделать? – поддержал Валерий коллегу, хотя, конечно, не верил в рассказанное. Но зато он понимал, что даже в самых невероятных слухах есть доля истины. Главное, правильно ее уловить. – Кого нам искать или что? И где?

– Вдвоем вам не справиться, дети, – старик посмотрел на Эдика, потом медленно перевел взгляд на Камышева. – Тут большие силы нужны.

– Ну, ты и страху напустил, дед, – подал голос Аслан, отец курчавого милиционера. – Время сейчас, ты прав, беспокойное. Но не в мистике дело. И убийцы, которых наши парни ищут, обычные – из плоти и крови. А значит, боятся советского правосудия.

– Дай-то Бог, – покачал головой старик. – Пойду я... Устал, полежать надо.

Эдик и все его родственники бросились помогать Зауру, Валерий решил было присоединиться, но его оттерли, сказав, чтоб не беспокоился. Он послушался, вновь сел за стол и принялся дожидаться, пока семейство Апшилава уложит деда. В первую школу, где пропали ученики, они уже точно не успевали, но дел от этого меньше не становилось. В частности, оставалась еще огромная папка материалов по делу черной «Волги», и Камышев планировал внимательно изу-

читать ее целиком. Даже если ради этого придется заночевать в местном отделении. Валерия, к слову, это не смущало, в первые годы службы ему не раз приходилось спать в рабочем кабинете или в дежурке. Случалось это периодически и сейчас.

Когда Эдик вернулся, и они засобирались уходить, Камышев от души поблагодарил его родственников за теплый прием, хотя в желудке у него, по ощущениям, было не меньше пяти килограммов мяса, хлеба и разносолов. Радужные абхазы, судя по широким улыбкам и приглашению заходить почаще, остались довольны гостем.

Глава 6. Необъявленный визит

Матвеича они отпустили, да и смысла не было его держать – от дома Эдика до отделения было от силы пятнадцать минут ходу. Всю дорогу они молчали, усиленно переваривая съеденное, и вновь заговорили только в кабинете Величука. Самого майора до сих пор не было, из чего следователи сделали вывод, что первый секретарь андроповского райкома все-таки вынул душу из Платона Григорьевича.

– В общем, Валера, я предлагаю переместиться ко мне в кабинет, – Эдик покрутил головой. – Мне тоже дела нужно подбить – показания учителей и пятиклассника подшить. На своей территории мне это было бы сподручнее, да и тебе, уверен, тоже. А то Величук рано или поздно вернется, и...

– Слушай, он у вас всегда такой услужливый? – Камышев все-таки решил задать этот вопрос, чтобы прояснить ситуацию. – Или это из-за моего приезда? Все-таки странно – майор, и так перед старлеем бисером рассыпается.

– А! – Апшилава махнул рукой. – Григорыч у нас мужик хороший, но действительно мямля. Я тебе так скажу, что у него не особо выходит руководить. Ему бы вся стать в полях следы брать – он оперативник от бога. Когда в операх ходил, прям горел работой, а как майора получил и в начальственное кресло сел, быстро скис.

– И за чем же дело стало? – удивился Валерий, хотя похо-

жие истории о прозябающих на должностях следаках ему были известны. Тех, как правило, назначали добровольно-принудительно, желая перенести их опыт на целые отделы. Только если у кого-то и впрямь получалось, то другие откровенно скучали, мечтая вернуться на передовую. Величук, как предположил Камышев, был скорее всего из их числа.

– Он сейчас на ковер к своему тестю поехал, – рот Эдика тем временем разъехался почти до ушей, когда он принялся объяснять ситуацию с майором. – Григорьич наш женат на дочери первого секретаря райкома, вот и попросил себе непыльную должность сразу после свадьбы. Тесть отказал, но наш Величук не сдался. Говорят, он тогда бабу похоронил, так в ее тетради нашел заговор на убеждение. Вот и использовал: убил черного петуха, сварил настой из его головы, а потом вылил его в водку и с ней снова поехал к родичу. Просидели они тогда всю ночь, песни пели, а наутро ворожба и сработала. Получил Григорьич и звезду на погоны, и свою нынешнюю должность, хоть и зря, как я тебе говорил. Не его это место.

Камышев мысленно вздохнул. Если отбросить историю с бабушкой и заговором, речь шла о самом банальном кумовстве. Даже если Величук и варил зелье из петуха, действовало на его тестя точно не оно. Скорее первому секретарю райкома не хватало ручного милицейского начальника, и зять на эту роль подходил идеально. А отказал он ему поначалу для отвода глаз.

Немного обсудив семейственность, которая по заветам Ильича только вредит делу, в итоге они все же переместились к Эдику, заперев кабинет Величука и сдав ключ дежурному – старшему сержанту Николаю Бредихину, а для своих, коим постепенно становился Валерий, Коляну. Апшилава определил коллегу за свой стол, сам притулился за тумбочкой, и оба с головой ушли в работу.

Камышев внимательно изучал каждый подшитый листок со свидетельскими показаниями, каждый протокол, заключения экспертизы, фотографии, схемы, даже карандашные наброски потенциальных подозреваемых. Но ничего действительно важного, такого, за что можно было бы зацепиться, ему не попадалось. За окном начало темнеть, небо затянуло осенними тучами, закрапал мелкий печальный дождик.

За дверью периодически кто-то грохал ботинками, один раз процокали женские каблочки, звенели ключи – милиционеры расходились по домам. Эдик, который, по его собственным словам, вынюхивал след аж с шести утра, в итоге начал клевать носом и вежливо отклонялся. Камышев, не отрываясь от пухлой папки с делом черной «Волги», покивал на прощание и вновь погрузился в чтение.

Величук после головомойки от тестя так и не вернулся, и в здании в итоге остались только следователь из Калинина и дежурный Колян. Ближе к десяти вечера Валерий почувствовал, что голова у него уже не просто кипит, но вот-вот взорвется, и решил выйти на свежий воздух. Курить он

недавно бросил, но сейчас ему вдруг остро захотелось затянуться. Он вышел из кабинета, хлопая глазами и стараясь прогнать летающие перед ними мушки, заглянул к Коляну и, к собственной радости, угостился «Примой».

Едва распахнулась дверь на тугой пружине, как в лицо Камышеву пахнуло сентябрьской прохладой. Он поежился, но быстро привык к уличной температуре и чиркнул заблаговременно припасенной у все того же Коляна спичкой. Закурив, Валерий повернул голову в сторону выезда со двора отделения и замер. В створе пока еще распахнутых ворот темнело блестящее от капель дождя крыло черной легковушки. Хромированные молдинги, знаменитый газовский олень на выступающем вперед капоте, характерные боковые обводы – не было никаких сомнений, что прямо перед воротами отделения милиции стояла двадцать первая «Волга» с работающим двигателем.

Чувствуя, как в груди колотится сердце, Камышев нащупал на поясе кобуру с табельным пистолетом, расстегнул, вынул «Макаров». Он помнил, что в номенклатуре Андроповска «двадцать первых» не числится. Значит, это они – те самые преступники в шляпах, как их описывают дети. С очень и очень высокой долей вероятности. Но что им надо? Зачем они здесь? Потешаются над советскими органами правопорядка, показывают, что всесильны? Ну, нет, граждане!

Злость придала Камышеву сил и уняла первичный испуг. Жаль, никого больше нет, брат придется одному. Если бе-

жать за Коляном, эти могут воспользоваться ситуацией и улизнуть. Валерий решительно вышел за распахнутые ворота, остановился, чтобы видеть машину, но при этом не стоять у нее на пути – кто знает, что придет неизвестному водителю в голову. Движок у «двадцать первой» мощный, так что вариант надавить на газ и сбить незадачливого следака прямо-таки напрашивался...

Фары «Волги» были выключены, несмотря на темноту, и это придавало машине еще более мрачный вид. Валерий всмотрелся в боковые окошки, но те, к сожалению, были закрыты шторками, скрывающими салон от любопытных глаз. Он сделал пару шагов за ворота, чтобы обойти машину и посмотреть в лобовое стекло. Увы, там следователя также ждала неудача – оно выглядело непроницаемо черным, и следователь, как ни силился, не мог разглядеть водителя и пассажиров.

Внутри, разумеется, кто-то был и сейчас внимательно наблюдал за Камышевым. Медлить было уже нельзя, и следователь решительно направился к правой передней двери со стороны тротуара.

– Ваши документики, граждане, – громко и уверенно обратился Валерий, постучав в стекло.

Ему никто не ответил, и лишь мерное урчание двигателя нарушало дождливую сентябрьскую тишину. Камышев снова забарабанил в окно, уже громче и настойчивей.

– Милиция! – сказал он. – Немедленно выйдите из маши-

ны и предъявите документы!

– Мы нарушили какой-то закон страны? – раздался глухой рокочущий голос. Окна по-прежнему были плотно закрыты, но Валерий отчетливо слышал говорящего, как будто бы тот стоял рядом. Звучал он, кстати, довольно своеобразно. Словно кто-то, для кого русский язык чужой, аккуратно начитывал по бумажке. Слишком неестественно, решил следователь, что наверняка и послужило для школьника Вани Самуйлова поводом подозревать в незнакомце иностранного разведчика.

– Да, – заявил Камышев, отступив на достаточное расстояние, чтобы среагировать на любое развитие событий. – У вас машина без номеров.

Невидимый водитель газанул на нейтрالي, мотор «Волги» взревел, словно бы грозя одинокому следователю. Валерий понял, что уговорами тут не поможешь, и демонстративно навел пистолет на блестящее от капель дождя лобовое стекло, сняв оружие с предохранителя.

– Выйдите из машины! – скомандовал он. – Считаю до трех...

«Волга» снова взревела двигателем, где-то залаяли собаки, подхватывая друг друга, и на самой границе слышимости следователю послышался волчий вой.

«Откуда в городе волки?» – подумал он, и в этот момент в глаза ему ударил какой-то яркий блик.

Огромная белая луна светила из-за прорехи в тучах, со-

здавая резкий контраст. Завизжали, скребя по асфальту, покрышки, и машина резко рванула с места, зацепив бортом Камышева. Еще недавно хмурое и дождливое, а теперь молочного цвета небо поменялось местами с растрескавшимся асфальтом, сердце молодого следователя на мгновение ушло в пятки, а затем он больно ударился головой. Валерий тут же резко вскочил, но черная «Волга» без номеров, развернувшись, уже мчалась в сторону выезда из Андроповска, обдав грязной водой из лужи одинокого прохожего.

– Стой! – заорал Камышев, одновременно понимая бессмысленность своего крика. – Стрелять буду!

Он пальнул в воздух, затем, прицелившись, послал еще один заряд свинца в ускользящую машину. Луна снова скрылась за тучами, изменив освещение, и пуля прошла мимо, срикошетив от мостовой. В следующее мгновение «Волга» скрылась за поворотом. Прохожий – интеллигентный мужчина в кепке и роговых очках – выронил авоську и отшатнулся. По тротуару покатались яблоки и репчатый лук.

«Вот сволочи! – подумал Камышев. – Фонариком ослепили!»

Этот вариант казался ему самым логичным – в самом деле, не могла же луна, пусть даже такая огромная и яркая, застит ему глаза своим сумеречным светом. Но, как бы там ни было, Валерию было обидно упустить этих бандитов из-за такой мелкой оплошности.

– Кто стрелял? – на шум тем временем выбежал Колян

со сдвинутой на затылок фуражкой и пистолетом в руке. – Валера? Товарищ старший лейтенант? Что случилось?

– Звони в ГАИ! – выкрикнул Камышев. – Пусть объявляют план-перехват на черную «Волгу»!

Глава 7. Тайный отдел

Москва, Лубянка, 1988 год. 14 сентября, среда

Капитан Евгений Волков, оперативный сотрудник тринадцатого отдела КГБ, внимательно изучал очередной рапорт калининского осведомителя под кодовым именем Бродяга. За последнюю неделю это был уже третий по счету рапорт, и Волков понял, что дальше тянуть нельзя. Его непосредственный руководитель был с этим совершенно согласен и дал подчиненному добро на сбор команды. Правда, состав ее был ограничен всего двумя людьми, и первым был он сам, Волков.

Капитан едва успел закрыть и отправить в архив дело сектантов-утопителей, орудовавших в бассейне «Москва», как прилетела очередная напасть – массовые исчезновения людей в соседней Калининской области. У тринадцатого отдела не было региональных филиалов в РСФСР, исключение составляли лишь Ленинград и Свердловск. Даже Казань и Хабаровск пока еще стояли на очереди, но грамотных посвященных сотрудников не хватало, а aby кого на работу с особо важными и опасными делами Комитет не брал. Так что в Калинин придется ехать именно ему, Волкову, потому что наряду с Ярославлем и Смоленском этот город был зоной его профессиональной ответственности.

Ситуация, судя по докладам Бродяги, развивалась не луч-

шим образом и грозила большим идеологическим провалом. Шутка ли – в крупной области, близкой к столице СССР, неизвестные убийцы распоясались настолько, что вызвали в одном из райцентров настоящую панику. Управление облисполкома оперативно прислало туда следователя из Калининана, но что он мог сделать один? Требовалось срочное вмешательство, и Волков, уладив все необходимые формальности, вызвал к себе Веру Терентьеву – штатного эксперта-психиатра тринадцатого отдела.

Такие спецы, как она, были на вес золота, и Волков считал собственной огромной удачей встречу с ней во время инцидента в Вологде. Из этого небольшого областного центра пришла тревожная информация о готовящихся диверсиях – местная ячейка антисоветчиков внезапно перешла от тихих перешептываний на кухнях к реальным делам. Когда внезапно среди бела дня троллейбус вылетел на перекресток под красный свет и врезался в грузовик, власти списали это на случайность. Тем более что большинство пострадавших отделались ушибами и легким испугом. Но потом история повторилась и закончилась серьезными травмами водителя и пассажиров. К счастью, обошлось без жертв, но на совпадение это уже не было похоже. Выяснилось, что у обоих троллейбусов оказались повреждены тормоза, и в обкоме засуетились. Областное управление КГБ потянуло за нужные ниточки, и информаторы вывели чекистов на хорошо законспирированную организацию.

Главарем ее был некто Арсений Добровольский, чьи предки в первые годы советской власти попали в категорию лишенцев – дед служил в царской охранке. Сам террорист работал школьным учителем истории и, как потом выяснилось, был скрытым монархистом. Сколотил вокруг себя целый кружок сочувствующих, которым вещал об утерянной имперской Атлантиде, и был, в общем-то, довольно безобидным антисоветчиком. Пока, как потом выяснилось, не сошел резко с ума, задумав «антибольшевистский переворот».

Местные чекисты никак не могли выйти на него, поначалу ограничившись лишь исполнителями из троллейбусного парка. Но в городе уже начали находить воззвания о скором возмездии и торжестве справедливости, а потом рвануло на очистных сооружениях. Официально, чтобы не пугать народ, это было названо аварией из-за износа оборудования, даже кого-то показательно пожурили, однако этот звоночек оказался последним – местное управление обратилось в центр, и на поиски идеолога вологодских террористов отправили Волкова.

Там капитан из тринадцатого отдела и познакомился с Верой, которая работала медсестрой в местной больнице и мечтала выучиться на психиатра. Именно ей удалось выйти на след Добровольского, который был ее соседом по дому. Она обратила внимание на изменения в личности скромного школьного историка, который стал много говорить о мистике, конце света и голосах. Девушка пригляделась к нему, ста-

ла чаще общаться под предлогом интереса к прошлому страны, и Добровольский в итоге сам выдал ей свои планы. Случайно, конечно же. Просто мозг бедолаги-монархиста начал давать настолько сильные сбои, что он по большому секрету поделился с Верой своими мнимыми сверхъестественными способностями – якобы с ним говорили люди из будущего, где скинули советскую власть и возродили империю. Но перед этим, как рассказывал Добровольский, Россия должна пройти через большую кровь.

Когда потом девушка рассказывала Волкову о том, как она сопоставила происшествия в городе и бред сумасшедшего учителя, сведя это в одно целое, а потом пробилась через железобетонную местечковую бюрократию, что поразило капитана даже больше, чекист понял: Вере самое место в тринадцатом отделе. Лично у него всегда были проблемы с медлительностью чиновничьего аппарата, а тут – человек, способный изящно эти проблемы решать. И потом, когда девушка из Вологды еще несколько раз проявила себя как внештатный психолог, Волков окончательно убедился, что не ошибся, и выбил ей должность. А через полгода после серии раскрытых дел еще и целевое направление в институт имени Семенова для развития ее наработок по психиатрии. Так бывшая вологодская медсестра с огромным потенциалом стала полноценным сотрудником Комитета под началом у Волкова.

– Вызывали, Евгений Семенович? – аккуратно постучав в

дверь кабинета, Вера застенчиво заглянула внутрь.

– Вызывал, – кивнул Волков, жестом разрешив ей войти. – Собирайтесь, мы сегодня же выезжаем с вами в Калинин и далее в Андроповск. Там нас ждет очень важное и запутанное дело.

– Поняла, – кивнула Вера. – Разрешите идти?

Волков отпустил девушку, дав два часа на сборы – время обеденное, экспертам-психиатрам тоже нужны белки, жиры и углеводы. А то их, настолько талантливых, и так днем с огнем не сыщешь, потому и нужно беречь.

Сам капитан служил в тринадцатом отделе с восемьдесят третьего года, перейдя туда из «пятки», как в обиходе именовали пятое управление. Там Волков боролся с инакомыслящими и сектантами, собственно, почему его в итоге и перевели в тринадцатый, который во многом занимался похожими делами. Только главное отличие было в том, что здесь подчас приходилось работать со случаями, мягко говоря, неформальными. Экстрасенсорика, загадочные исчезновения, «проклятые» места – в общем, все то, от чего обычные дознаватели шарахались как от огня. И пусть в итоге все эти случаи объяснялись вполне рационально, сотрудникам тринадцатого отдела предписывалось быть готовыми ко всему. Даже к вторжению инопланетян.

А между тем, история тринадцатого отдела уходила аж во времена Алексея Михайловича Тишайшего, когда при тайном приказе была создана команда борцов с нечистью – в

те времена ее существование не подвергалось сомнению. Затем, при Петре Великом, она перекочевала в Тайную канцелярию, потом в имперское министерство полиции и уже после этого надолго прописалась в министерстве внутренних дел. Так, на протяжении почти трех веков государство исследовало загадки природы, пытаясь периодически заглянуть за грань, пока новая власть в тысяча девятьсот семнадцатом не разогнала прежние органы.

Архивы тех времен, к величайшему сожалению, не сохранились, во всяком случае сотрудники с уровнем доступа как у Волкова знали именно такую версию. Но одно капитану было точно известно: ярые материалисты-большевики отрицали не только религию, а попутно и все, что так или иначе касалось тонких материй. Первое время, пока громыхла гражданская война, людям стало не до шарлатанов, выдающих себя за мессий, и не до опасных экспериментов с реальностью, как, например, «солнечная пушка» инженера Гаранина, арестованного в начале двадцатых за попытку поджога Кремля. Его история потом нашла отражение в романе Алексея Толстого, только фамилию писатель изменил на Гарина, а опасное изобретение назвал гиперболоидом. И, конечно же, художественно приукрасил, превратив короткий преступный бенефис талантливого изобретателя в масштабный боевик с попыткой захватить власть над миром. А ведь таких обиженных на всех и вся самоучек сам Волков встречал в своей комитетской практике не одного и не двух. Как

бы то ни было, особой группы по работе с подобными делами в органах безопасности СССР не существовало вплоть до семидесятых, хотя отдельные загадочные случаи вроде гибели группы Дятлова на одном из уральских перевалов регистрировались постоянно. Просто занимались ими сотрудники обычных отделов.

Но в годы брежневского застоя все же было принято решение вернуться к дореволюционной практике работы с непознанным. Тем более что партия и правительство искренне интересовались возможностями гипноза, экстрасенсорики и оккультизма – разумеется, в практической плоскости. А там, где это было невозможно, в идеологической – с целью укрепления в советском обществе материалистической точки зрения. Так и был создан неизвестный широкой публике тринадцатый отдел КГБ, тихой сапой отправивший на нары десятки самопровозглашенных мессий и еще больше мнимых колдунов, морочащих головы граждан СССР. Особенно Волкову запомнился архангельский ясновидящий, которого поймали на классический прием: попросили предсказать собственную судьбу. И когда возомнивший себя избранным старец принялся рассказывать о великих чудесах, его тут же арестовали за антисоветскую агитацию и пропаганду, наглядно продемонстрировав местным несостоятельность ясновидения как явления.

Но были в его практике и другие дела, гораздо более страшные и опасные. Человеческие жертвоприношения

в Новгородской области, маньяк-кровосос из Смоленска, клинские каннибалы, уже упомянутые столичные утопители и даже создатели квазигосударства язычников в лесах под Ярославлем. Там Волкову пришлось столкнуться с рабством, казнями отступников в виде сжигания на кострах и кровавыми обрядами, по жестокости и массовости давшим фору новгородским и череповецким. А в маленькой подмосковной Верее тринадцатый отдел КГБ обезвредил террористов, готовивших массовую акцию устрашения при помощи спор сибирской язвы в почтовых конвертах.

Все это в очередной раз пронеслось в голове Волкова, пока он собирал свой дипломат, проверял табельное оружие и надевал свой знаменитый на всю контору серый гэдээровский плащ.

Он посмотрел на часы – Вера, как всегда, соберется вовремя, и в Калининe они с ней будут уже этим вечером. И потом оттуда поедут в Андроповск, где загадочные убийцы проявили себя больше всего. А пока можно сходить в магазин за углом и прикупить в дорогу хлеба с колбасой – Волков даже улыбнулся этой легкой прозе жизни. Война войной, как говорится, а обед по расписанию.

Капитан вышел из кабинета, спустился по лестнице на первый этаж, открыл массивные входные двери и вдохнул полной грудью стылый, но приятно освежающий сентябрьский воздух. А потом с интересом перевел взгляд на ступеньки – как и всегда в тех случаях, когда ему надо было ехать

в сложную командировку, приходила эта черная кошка. Как будто бы знала, что Волкову предстоит очередное загадочное дело.

Иногда он задумывался, что мир не так прост, как ему раньше казалось. И что есть в нем место чему-то непознанному вроде этой кошки.

— Кис-кис, — позвал он животное, наклонившись и попытавшись, как обычно, ее погладить. — Иди-ка сюда.

Но кошка, зыркнув на него зелеными большими глазами, резко отпрыгнула в сторону и так же поспешно двинулась прочь. А на душе Волкова как будто бы появился огромный камень.

Глава 8. Московские гости

Андроповск (бывший Любгород), 1988 год. 14 сентября, среда

Надо отдать должное Коляну – он отреагировал быстро и правильно. Не задавая лишних вопросов, уточнив только пару деталей, он рванул назад в дежурку, где тут же связался с ГАИ и дал ориентировку на черную двадцать первую «Волгу».

Камышев, чертыхаясь, побрел в отделение. Сердце бешено колотилось, он рвался в бой и очень злился, что не в силах ничего сделать. Преступники были рядом, на расстоянии вытянутой руки, их можно было задержать... Но получилось то, что получилось. Валерия сбили с ног и просто умчались. Вся надежда сейчас была на андроповских гаишников, но подспудно Камышев понимал: пассажиры «Волги» вновь ускользнут. Не просто так преступники нагло подобрались к отделению – они явно смеялись над милицией, над Величуком и Апшилавой, а также над ним, Камышевым.

Добравшись до отделения, он жестом остановил начавшего было докладывать Коляна.

– Звони Величуку и Апшилаве, – приказал Валерий.

– Есть! – дежурный вытянулся во фрунт, тут же присел и принялся крутить телефонный диск. – Алё! Алё, товарищ майор! Это Бредихин! У нас тут погоня...

Камышев слушал объяснения Коляна и думал. Все складывалось – неуловимая черная «Волга» существовала в действительности, а не в фантазиях местных, как он поначалу предположил. Вот только пассажиров ему разглядеть так и не удалось. Как там их описывал школьник Ваня Самуйлов? Похожие друг на друга, в одинаковых черных плащах и широкополых шляпах... Увы, на глаза Валерию они благоразумно не показались. Но вот странный акцент – в его наличии у одного из преступников Камышев убедился. Конечно, ничего прибалтийского в нем не было – этот говор Валерий слышал и не раз. А тут что-то чужое... Например, та фраза – «мы нарушили законы страны?» Кто вообще так разговаривает? Похоже, версию если не о прибалтах, то о ком-то, для кого русский язык не родной, все же можно считать оправданной.

«Но почему, черт побери, – думал Камышев, – никто до сих пор не распутал этот клубок? Если все так, как рассказывали Эдик с Матвеичем, и убийства тянутся с семьдесят девятого года, пусть и с большим перерывом, почему эти твари до сих пор на свободе? Кто-то их покрывает? Но кто?»

Открылась входная дверь, скрипнув пружиной. Валерий обернулся, удивившись, что Величук с Апшилавой прибыли так быстро, но понял, что ошибся. В отделение вошел коротко стриженный мужчина лет сорока в сопровождении молоденькой девушки. Камышев скользнул по ней оценивающим взглядом – стройная, вполне миловидная, но одета неброс-

ко, совсем без косметики. Пройдешь мимо и не заметишь... А еще угловатая, будто стесняющаяся собственной внешности, движения скованные.

– Вы к кому, граждане? – привстал со своего места Бредихин. – Вы заявление написать?

– Капитан Волков, комитет государственной безопасности, – спокойным голосом представился мужчина, достав из кармана и развернув красную книжечку. – А это эксперт Вера Терентьева.

– Старший лейтенант Камышев, – Валерий, как и положено, перехватил у Коляна инициативу, теряясь в догадках, что в провинциальном отделении милиции могло понадобиться чекистам.

– Отлично, – кивнул Волков. – Вы нам как раз и нужны. Где мы можем поговорить?

– Идемте, – ответил Валерий.

Камышев уверенно шел в сторону своего временного рабочего места, всячески стараясь не выдать волнение. Похоже, прав был Эдик – в КГБ заинтересовались ситуацией в Андроповске. А иначе зачем этому капитану с напарницей приезжать сюда на ночь глядя и сразу искать его, Камышева?

– Сюда, товарищи, – Валерий пропустил вперед пару чекистов, зашел в кабинет следом и прикрыл дверь.

Волков взял свободный стул, стоявший у тумбочки, поставил рядом с местом для посетителей напротив заваленного бумагами стола. Затем сел и жестом предложил девуш-

ке расположиться рядом. Валерий разместился на продавленном стуле Эдика, продолжая внимательно изучать гостей из органов госбезопасности. Лицо капитана выражало решительность и суровость, а вот девушка казалась отстраненной.

– Мне сообщили, что это вы помогаете местной милиции вести дело черной «Волги», – без предисловий начал Волков. – Я искал вас в гостинице, но там сказали, что с утра вы еще не возвращались. Поэтому мы приехали сюда.

– Да, я прибыл только сегодня, в гостинице лишь оформил заезд и больше там пока не был, – подтвердил Камышев. – Есть протоколы опроса свидетелей плюс... Я сам перед вашим приездом видел эту машину, и сейчас по ней в городе объявлен план-перехват.

– Вот как? – чекист удивленно поднял брови. – Шустро вы...

– Надеюсь, что не зря, – пожал плечами Валерий. – Преступники имеют свойство уходить от погони.

– Я знаю, – кивнул Волков. – Это очень опасные люди, товарищ следователь, и я уверен, что на их счету не один десяток жертв...

– Серия? – понимающе кивнул Камышев. – Местные меня просветили, что эта двадцать первая «Волга» уже фигурировала в деле об исчезновениях молодых парней. В семьдесят девятом году.

Эксперт Терентьева сидела на стуле, словно проглотила кол. Спина прямая, ноги прижаты друг к другу, ладони на

коленках. Судя по всему, стажерка, решил Камышев.

– Это могут быть как те же самые лица, так и другие, – сказал Волков, отвлекая следователя от мыслей о девушке. – Тут, видите ли, все немного сложнее.

– Может, посвятите в детали? – усмехнулся Камышев. – Или просто заберете дело?

– Понимаю вашу нелюбовь к смежникам, – капитан отреагировал на резкость Валерия на удивление спокойно. – Отвечу по порядку: в детали посвящу насколько это возможно, дело забирать не стану. Ситуация слишком непростая, чтобы отказываться от помощи областной милиции. Но давайтеждемся утра и все подробно обсудим. Думаю, вы уже достаточно сегодня поработали, да и нам с товарищем экспертом нужно подготовиться. А завтра проведем летучку с участием местных.

В этот момент резко зазвонил телефон на столе Апшилавы, и Камышев даже вздрогнул от неожиданности. На проводе был Колян – он сообщил, что гаишники вновь упустили черную «Волгу». Валерий, услышав это, чертыхнулся. Он перевел взгляд на Волкова, молча наблюдавшего за ним, и тот все понял без слов.

– До завтра, товарищ Камышев, – устало сказал капитан. – Ступайте в гостиницу и хорошенько выспитесь. Нам с вами предстоит серьезная работа, и от наших общих стараний будет зависеть, сколько еще людей эти твари отправят на тот свет.

Глава 9. Беспокойство

Калинин, 1988 год. 14 сентября, среда

– А там и вправду живет ведьма? – Витя Григорьев, ученик пятого А, недоверчиво всматривался в окно на шестом этаже.

Петька Чалышев, его одноклассник и по совместительству вечный заводила их двора, собрал сверстников с малышкой в одну большую компанию и привел их к соседней двенадцатиэтажной «свечке», которую сдали всего месяц назад. Она возвышалась над другими панельками, тоже построенными в последние годы на месте старых деревянных кварталов Затьмачья.

– Конечно! – страшным шепотом произнес Петька. – Вон, видишь, шторы желтые?

– И что? – пожал плечами флегматичный очкарик Гера.

– Как что? – повернулся к нему Чалышев. – Разве ты не слышал историю про Желтые Шторы, которые душат людей по ночам?

– Слышал, – кивнул Гера. – А ее тогда почему не душат?

– Потому что она ведьма! – развел руками Петька, удивляясь недогадливости очкарика. – Она ими управляет, и они ее не трогают!

– Брехня, – копируя интонации дяди Володи из деревни, заявил Мишка Вдовкин.

– Сам ты брехня! – возмутился Чалышев. – Ты сходи на шестой этаж пешком, не на лифте!

Петька слышал, что даже взрослые побаивались пользоваться лестницей – старшеклассники говорили, будто там то глаза по стене пробегут, то тень из-за угла чихнет... Страх, да и только. Он рассказал об этом родителям, но те посмеялись и объяснили, что на лифте просто быстрее и удобней подниматься, вот большинство жильцов им и пользуется. Но Петька им не поверил, твердо решив провести собственное расследование. Правда, используя при этом других детей – к примеру, того же скептически настроенного Вдовкина.

– А вот и схожу! – заявил тот.

– Я с тобой, – поддержал мальчика Витя Григорьев.

– А зачем ей Желтые Шторы? – спросила Маша Охупкина, самая младшая в их компании. – И почему она живет в обычном доме?

– Да потому что ее дом деревянный снесли! – выпучив глаза, объяснил Петька. – Дали ей в этой двенадцатиэтажке квартиру на шестом этаже. Она обиделась и стала учить магию. А потом всех строителей по очереди нашли мертвыми!

Чалышев все сильнее распалялся, пересказывая историю, подслушанную у старшеклассников, и добавляя уже самим придуманные подробности. Маша заплакала, ее увел старший брат Степа. Остальные остались.

– Ну так что? – Петька в нетерпении потопал ногой. – Пойдете?

– Пойдем, – Витя ободряюще хлопнул по плечу Мишку Вдовкина.

Они открыли крашенную бордовой краской деревянную дверь на лестницу. Пахнуло бетонной прохладой. Потоптавшись на месте, школьники зашли внутрь.

– Не бойся, – успокаивающе сказал Витя и сам испугался звуков своего голоса.

– А я и не боюсь! – запальчиво воскликнул Мишка.

Он уверенно двинулся вверх, и эхо от его шагов раздавалось по всем этажам. Витя, помедлив, двинулся следом. Ему уже не хотелось проверять шестой этаж, но отступить было нельзя – засмеют.

«Это все неправда, – рассуждал он. – Петька просто нас пугает».

Когда они добрались до пятого этажа, Мишка замедлился.

– Давит, – признался он.

– Что давит? – не понял Витя.

– На голову что-то давит, – пояснил Вдовкин. – Как будто кто-то смотрит...

По спинам мальчишек побежали мурашки. Они поднимались все выше и выше, с каждой ступенькой все сильнее чувствуя необъяснимый страх. Когда они наконец-то очутились на шестом, давящее чувство стало почти невыносимым.

И тут Мишка Вдовкин истошно заголосил, тыча пальцем куда-то в стену. Витя проследил взглядом и тоже завопил. По стене поднимались зеленые круги, похожие на глаза, и этого

мальчишки уже не смогли вытерпеть. Отталкивая друг друга и спотыкаясь, они бросились вниз по лестнице, не разбирая дороги.

Они мчались, перепрыгивая через три ступеньки, и в спины им, казалось, кто-то впивался буравящим взглядом. С грохотом и криками мальчишки выбежали на улицу, промчавшись мимо друзей в сторону своего двора.

– Испугались? – расхохотался Петька Чалышев, а потом понял, что внезапно остался один.

Все остальные тоже разбегались кто куда, заразившись страхом от Вити и Мишки. Ощувив странное гнетущее чувство, Петька задрожал и снова бросился наутек. Успокоился он только тогда, когда хлопнула входная дверь в квартире, и он заперся на три оборота, в панике забыв, что теперь родители не смогут открыть замок снаружи ключом.

Но именно это интересовало его сейчас меньше всего.

* * *

Андроповск (бывший Любгород), 1988 год. 15 сентября, четверг

Нормально выспаться Камышеву этой ночью так и не удалось. Прибытие капитана Волкова окончательно сбilo его с толку, да еще Величук с Апшилавой, которых Колян вызвал по его просьбе, перехватили его прямо на выходе. Бросать их в такой ситуации было бы не очень красиво, так что Ва-

лерий остался, поприсутствовав при их знакомстве с Волковым. Зато потом уже порядком сонного Камышева довезли прямо к гостинице на служебном «уазике». И там, как назло, желание рухнуть без сил на кровать как рукой сняло. Вместо этого молодой следователь принялся обдумывать ситуацию.

С одной стороны, от коллег он знал, чем чревата совместная работа со смежниками. Чекисты все подгробут под себя, а у милиции при этом будет минимум прав и максимум обязанностей. А с другой стороны, если отбросить издержки конкуренции между ведомствами, то можно порадоваться – преступники на черной «Волге», кем бы они ни были, начали действовать слишком открыто и нагло, и помощь КГБ придется весьма кстати.

Поспав в итоге максимум часа три, Валерий сидел ранним утром в пустом буфете, лишь какой-то командировочный в роговых очках расположился через два столика от него и читал газету. Следователь скользнул по нему взглядом, на миг ему показалось, будто они где-то могли раньше встречаться, но потом решил, что ему показалось.

На завтрак была яичница-глазунья с хрустящим черным хлебом и горячим цикорием. Неплохо, но Камышеву вдруг захотелось настоящего крепкого кофе из подарочного набора от бразильских товарищей вроде тех, что изредка выдавали на работе отцу. Он приносил его домой, мама варила в кастрюльке на плите ароматную арабику, и потом родители пили обжигающий терпкий напиток. Маленькому Валере с

сестрой тоже давали немножко попробовать, но только чтобы не увлекались, и тот чудесный вкус будущий следователь запомнил на всю жизнь. А теперь черный кофе прочно ассоциировался у Валерия с погибшим отцом. Почувствовав, что на него нахлынули печальные воспоминания, Камышев резко переключился в мыслях на дело. Ему ведь сегодня еще как минимум опрашивать свидетелей в первой школе. И это если еще не поступят новые вводные.

Вздохнув, Валерий залпом допил цикорий, отнес грязную посуду в мойку и направился к выходу. Взглянув на часы, прикинул, что к началу летучки, назначенной вчера Волковым, успевает с запасом, и решил позвонить матери по стоящему в фойе гостиницы междугородному таксофону. Работы в последнее время было много, забежать он к ней не успевал, хоть и получил комнату в общежитии неподалеку, поэтому хотелось перекинуться пусть даже парой слов. В квартале, где он вырос, все было по-прежнему – даже слышущая ведьмой Клавдия Макаровна, которую он недавно вспоминал, все еще будоражила детей, теперь уже новое поколение. Например, вчера малышня организовала очередную экспедицию на шестой этаж соседней «свечки», увидела там «бегающие по стенке зеленые глаза» и переполошила родителей. Кто-то из мальчишек даже заперся в квартире, и к нему долго не могли пробиться. А выяснилось в итоге, что строители забыли замазать разводы на лестничной клетке шестого этажа, их-то юные исследователи и приняли за призрачные бур-

кала. Зато после этого случая из ЖЭКа сразу прислали маляров, и Клавдия Макаровна вновь была реабилитирована.

Зарядившись позитивом, Валерий отправился в отделение милиции. Служебный автомобиль к нему лично не был приписан, так что нужно было идти пешком. Впрочем, Камышева это вполне устраивало – он еще с детства любил гулять, излазил с друзьями все окрестные дворы и берег Волги с гребной базой, а потом, уже будучи взрослым, сохранил полезную привычку передвигаться на своих двоих. Сначала до института, затем до работы. Вот и сейчас он с большим удовольствием вышагивал по туманным андроповским улицам, чувствуя, как с каждой минутой приходит в себя.

Глава 10. Тучи сгущаются

На входе Камышева встретил незнакомый милиционер, внимательно изучил пропуск, кивнул и сказал, что его уже ждут в кабинете Величука. Валерий не удивился, потому что об утреннем собрании Волков предупреждал еще вчера. Открыв дверь, Камышев предсказуемо увидел тот же вчерашний состав – сам Волков, его помощница, Апшилава и Величук. Получается, хоть он и рассчитал время с запасом, в итоге пришел последним.

– Проходите, Валерий, – чекист, скромно расположившийся рядом с чайной тумбочкой, приглашающе махнул рукой. – Вы как раз вовремя.

Камышев поздоровался со всеми сразу и сел рядом с Эдиком. Они быстро пожали друг другу руки, и в этот момент Волков начал говорить.

– Итак, приступим, – удовлетворенно кивнул чекист. Эксперт Терентьева по-прежнему сидела тихо и неподвижно. – Мы уже с вами знакомы, поэтому сразу без предисловий перейду к делу. Мы с Верой расследуем исчезновения людей в Андроповске по линии госбезопасности. Предлагаю не чинить друг другу препятствий, а работать в тесной связке. Тем более что наши совместные действия согласованы с областным и районным руководством в письменной форме. И наша общая задача – обезвредить опасную банду, орудующую

в вашем городе.

– Мы согласны, – ответил за всех Эдик, но ни Величук, ни Камышев не были против. Тем более что из портфеля чекиста на стол перекочевали приказы, на одном из которых красовалась подпись майора Антонова, как непосредственного командира Валерия. Формальности оказались полностью соблюдены.

– Сработаемся, – улыбнулся Волков, когда андроповские милиционеры и калининский следак оставили на бумагах свои автографы, а затем, когда все вернулись на свои места, вновь стал серьезным. – Итак, исходя из имеющихся у Комитета сведений, эти... с позволения сказать, люди, передвигающиеся на «Волге» ГАЗ-21, могут заниматься похищением граждан с целью изъятия органов.

– Что? – выдохнул Эдик.

Камышев повернулся к коллеге и увидел, что тот буквально позеленел. Не от страха – от захлестнувшего гнева. И Валерий прекрасно его понимал, потому что как минимум двумя жертвами этих преступников стали дети. Ученики второй андроповской школы.

– Да-да, товарищи милиционеры, – кивнул капитан Волков. – Звучит мерзко, согласен. Но это так. Вот почему нам нужно приложить максимум усилий, чтобы их обезвредить. И желательно навсегда.

– Они... – Эдик едва сдерживал себя. – Они людей на запчасти разбирают, чтобы потом за бугор продать? Американ-

цам? Англичанам?

– Неизвестно, – покачал головой чекист. – Не будем напрасно клеветать на иностранцев, я не исключаю, что органы расходятся как за бугром, так и в Союзе. Беспринципные дельцы и жестокие бандиты, как известно, не имеют национальности.

– Лично перестреляю всех, – с кавказской горячностью заявил Эдик.

– Это будут решать советские судебные органы, – капитан Волков, тем не менее, по-прежнему был спокоен. – Нам же с вами крайне желательно захватить бандитов живьем, чтобы они вывели нас на заказчиков и покупателей.

Все это время Камышев в отличие от эмоционального Эдика мысленно пытался разложить по полочкам все, о чем сказал Волков. Так, чекист ссылаясь на некую оперативную информацию, согласно которой пассажиров «Волги» подготавливали в похищениях с целью изъятия внутренних органов. Получается, о бандитах из Андроповска уже какое-то время было известно в КГБ? Или же это, как и предполагал сам Камышев, гастролеры, которые колесят по всему Союзу, а в этом городе они временно? Тогда возникает еще один вопрос: как давно их «ведут»? И, соответственно, сколько жизней у них уже на счету? Об этих соображениях он и рассказал Волкову, едва тот озвучил основную задачу.

– Хорошие вопросы, товарищ Камышев, – одобрительно кивнул чекист. – Похожие случаи, когда без вести пропа-

дали люди, и трупы не находили, были и в других регионах СССР, так что предположительно можно говорить о целой сети. Именно ваш случай в разработке с недавнего времени, когда наши аналитики сравнили похожие преступления в разных местах. Совершаются они, к слову, разными людьми – такой вывод сделан на основании расстояния, времени и свидетельских показаний.

– То есть наши бандиты – не гастролеры? – уточнил Апшилава.

– Скорее всего, они не местные, – ответил Волков. – Но все это нам с вами предстоит проверить. Лично я склоняюсь к версии, что они как-то связаны с черными трансплантологами из других частей страны. По крайней мере, у них у всех может быть единый заказчик. Однако нельзя исключать и такую версию, что они сами по себе, а в Андроповске действуют просто по излюбленному бандитами принципу – в чужих краях меньше шанса быть пойманными.

– Насколько я знаю, в семьдесят девятом году здесь регистрировались похожие случаи, – Камышев решил расставить по максимуму точки над ё. – Вам что-то о них известно?

– Кое-что мне уже удалось узнать, – ответил Волков, мельком посмотрев на Величука, затем перевел взгляд на Апшилаву и уже потом на Валерия. – Вашего уровня допуска будет недостаточно для деталей, но... Если потребуется, я отправлю запрос и полностью введу вас в курс дела. Пока же просто исходите из того, что сейчас слишком мало причин считать,

будто это одна и та же банда. Совпадение по машине – это еще не доказательство. Скорее это...

– Подражатели? – предположил Эдик.

– Такую версию я бы тоже не сбрасывал со счетов, – кивнул чекист. – В любом случае нам нужно приложить максимум усилий, чтобы установить личности бандитов и задержать их.

– В итоге, если не брать случаи конца семидесятых, у нас девять пропавших без вести, – наморщил лоб Камышев, прикидывая, как бы побыстрее остановить эту темную цепочку.

– Увы, уже больше, – со вздохом сказал Волков. – Сегодня ночью пропал еще один человек, причем известная нам черная «Волга» имеет к этому непосредственное отношение – факт похищения подтверждают свидетели. Так что десять. Десять пропавших без вести.

Камышев мысленно чертыхнулся. Получается, он не просто упустил вчера убийц, но и тем самым косвенно повлиял на совершение ими очередного преступления. Валерий понимал, что брать на себя вину не стоит, что всех не спасешь, но на душе все-таки образовался липкий неприятный осадок.

– Зинаида Федотова, двадцати пяти лет, – тем временем продолжал капитан Волков, держа перед глазами листок милицкого рапорта, – возвращалась около двенадцати часов ночи из гостей.

– Это в середине недели? – удивился Эдик. – Я понимаю,

если пятница или суббота – танцы как раз допоздна...

– Такому поведению наверняка есть объяснение, – сказал Волков. – И его вам, товарищи милиционеры, предстоит выяснить. А пока – детали, о которых доподлинно известно. Федотова села в черную «Волгу» ГАЗ-21 на улице Ленина, это видел сторож книжного магазина. Он же, кстати, услышал и про подругу, от которой возвращалась Федотова – девушка разговаривала довольно-таки громко. Со сторожа, кстати, уже взял показания дежурный наряд милиции, но я уверен, что поговорить с ним нужно еще раз. Вопросы?

Вопросов не было, а потому чекист сразу же объявил об окончании летучки, предложив немедленно приступить к опросу свидетелей. Следователи покинули кабинет Величука и, не сговариваясь, вышли на крыльцо отделения.

– Закуривай, – Эдик вытащил из кармана бело-голубую пачку «Ту-134», щелчком пальца выбил сперва одну сигарету, потом другую.

Валерий не стал отказываться, наоборот, ему вдруг и впрямь нестерпимо захотелось затянуться терпким сизым дымом. Апшилава достал свою «Скилтаву», дал прикурить Камышеву, затем прикурил сам.

– Скажи, Валера, – Эдик сделал глубокую затяжку, потом выпустил тугую струю дыма, – ты веришь этому капитану? Похитители органов... Я о таких преступлениях слышал, но там все было как-то скромнее, что ли... То врача задержали, то медсестру, которые таким жестоким путем подзаработать

хотели и парочку одиноких пациентов угробили. А тут прям бойня какая-то, да еще и людей прямо на улицах хватают...

– Мы с тобой не в тех с Волковым отношениях, чтобы верить ему или не верить, – покачал головой Камышев. – Он не из нашего с тобой ведомства, перед нами не отчитывается. У него есть задача – обезвредить банду озверевших убийц, и комитет ему на то дал широкие полномочия. В том числе пользоваться родную милицию, то бишь нас с тобой.

– Да я понимаю, – Эдик эмоционально махнул рукой. – Просто у меня такое впечатление сложилось, словно он что-то недоговаривает... Как будто все гораздо страшнее, чем оно есть на самом деле. Помнишь, о чем дед мой говорил? Будто зло в мир прорвалось, и нам с ним войну придется вести. Нет, я понимаю, конечно, что это он на старости лет в философию ударился... Но осадочек, знаешь, все равно есть какой-то.

– Давай пока не будем сами все усложнять, – Валерий ободряюще похлопал своего курчавого коллегу по плечу. Апшилава ему нравился, вот только горячности бы тому поменьше. – Что для нас сейчас главное? Правильно – отыскать злодеев. Чтобы советский суд их потом наказал по всей строгости закона.

– Ладно, с чего начнем? – Апшилава успокоился, докурил почти до самого фильтра и точным броском запустил бычок в урну.

– Слушай, давай разделимся? – предложил Валерий. – Я –

в первую школу, а ты – к сторожу в книжный. Иначе мы за весь день не управимся.

– Давай, – согласился Эдик. – Ты тогда Матвеича возьми, тебе на машине проще будет, ты города не знаешь. А я легко пешком похожу, да на автобусе в случае чего поезжу...

На том и договорились. Камышев сел в уже поджидавшую на прежнем месте бежевую «шестерку», пожал руку пожилому водителю, и они отправились туда, где Валерия ждал непростой разговор.

Глава 11. Странности

Калинин, 1988 год. 15 сентября, четверг

– Сидит, – Петька Чалышев, который уже успел благополучно забыть вчерашний инцидент с ведьмой в двенадцати-этажке, опять собрал вокруг себя дворовую детвору. – Вон он, видите?

– Он, по-моему, опять пьяный, – насупила брови Вика Черемных. – Давайте не пойдем?

– Ничего он не пьяный! – возразил Петька. – Он просто устал...

– С чего вдруг? – скептически посмотрел на приятеля Мишка Вдовкин. – Он же не работает, мне папа говорил.

Они стояли на детской площадке возле их общего панельного дома и обсуждали спившегося одинокого соседа Гришку Мамонова, гревшегося на редком осеннем солнышке, сидя на лавочке. Ему не было еще и шестидесяти, но дети считали его уже глубоким древним стариком. Жил Мамонов на деньги от сданной макулатуры и стеклотары, да еще время от времени хватался за сезонную и разовую работу. На еду и квартплату ему хватало, а на алкоголь копейка находилась всегда. Сам он рассказывал, будто работал раньше в каком-то секретном НИИ, но исследования прикрыли с началом перестройки. Взрослые к нему относились со скепсисом, однако детей он притягивал словно магнитом, расска-

зывая самые невероятные истории. И в числе благодарных слушателей как раз был Петька Чалышев.

– Короче, кто не хочет, может идти в песочнице поиграть, – как ему показалось, иронично поддел друзей мальчик. – Привет, дядя Гриш!

– Тихо! – пьяница повернулся к ним с перекошенным лицом и приложил палец к губам. – За мной наблюдают!..

– Кто? – Петька закрутил головой, а Вика с Мишкой одновременно скептически хмыкнули.

– Да вот же он! – Мамонов, дыхнув на детей винными парами, указал заскорузлым пальцем на крупную серую крысу, притаившуюся рядом с перекладиной для выбивания ковров.

– Крыса? – удивился Мишка Вдовкин. – Сейчас я ее кирпичом!..

– Не смей! – громким шепотом сказал Мамонов. – Не попадешь, а он потом тебе отомстит. Это же крыса из моей лаборатории...

– У вас была своя крыса? – Вика округлила глаза. – И своя лаборатория?

Постепенно презрительное недоверие уступило место любопытству, и дети окружили пропойцу, внимательно ловя каждое его слово.

– Когда я работал в секретном институте, – Мамонов задумчиво пожевал губами, – мы ставили опыты над крысами. Облучали их радиацией, пичкали ноотропами, чтобы они

эволюционировали... Увы, официально исследования зашли в тупик. Но потом в крыс будто что-то вселилось!..

– Что вселилось? – не понимая, о чем говорит пропойца, Мишка Вдовкин наморщил лоб.

– Черти в них вселились! – с чувством собственного превосходства подсказал другу Петька. – Как в той шахте на севере, где до самого ада докопались!

– Верно, ребенок, – кивнул Мамонов, не отрывая взгляда от серой крысы. – Я быстро заметил, что с крысами происходит что-то неладное. Эти грызуны вели себя так, будто обрели разум... Ходили на задних лапках, смотрели на меня, держась за решетку совсем как люди... Разве что говорить на тот момент еще не научились. Особенно умным и хитрым вот этот был... У него даже мимика начала появляться – представьте себе ухмыляющуюся крысу! А потом он как-то и вовсе, глядя на меня, лапой по горлу провел, будто ножом. Мол, конец тебе, двуногий!

– А зачем ему нужно было вам угрожать? – спросила Вика.

– Почувствовал, что я его раскусил, – пожал плечами пьяница. – Я ведь тщательно за ними следил, пока контролировал ход эксперимента, да и просто ухаживал. Собственно, я единственный и заметил, как они изменились. А этот серый... представляете, он командовал другими крысами! Они убирались за ним, еду ему приносили, причем сначала сами распробовали, особенно когда я специально добавлял туда экспериментальные препараты. Я об этом сказал руководи-

телю исследований, тот заинтересовался, но при нем и коллегам серый прохиндей притворялся обычной тупой крысой. Он и остальных заставил вести себя так же. Несколько раз я пытался привлечь внимание, но крысы тут же принимались вести себя как обычно, причем даже скрытую камеру как-то замечали. Мне в итоге выговор сделали с занесением в трудовую. А потом...

– Что? Что? – наперебой загалдели дети.

– Как-то поздним вечером, когда все разошлись по домам, я нашел на полу в лаборатории мертвую кошку, чьей кровью на керамической плитке было написано «вам конец», – страшным шепотом произнес Мамонов. – При этом крысиный вольтер был заперт, но на морде этой вот твари осталась засохшая кровь.

– Фу! – воскликнула Вика.

– Ужас, – пробормотал Мишка Вдовкин.

– Еще какой ужас! – живо подхватил пьяница. – Я ему сказал, что раскусил его, и услышал в ответ мерзкий отвратительный смех... Крыса смеялась! Но мне опять никто не поверил, грозили уволить. Исследования прикрыли из-за бессмысленности и несостоятельности, я предложил уничтожить этих грызунов, из-за волнения не подумав, что они услышат. А они услышали...

Мамонов перешел на еще более таинственный шепот, и дети заерзали в нетерпении узнать, что же было дальше.

– Трое самых развитых крыс, считая этого, – Мамонов

снова кивнул в сторону продолжавшего сидеть у перекладины грызуна, – проделали ходы в своих вольерах и сбежали. Остальных усыпили, и на следующее утро я нашел в своем кабинете кровавую надпись. Смерть!

Пьяница так резко прошипел последнее слово, что дети отпрянули.

– И вот теперь он нашел меня... – алкоголик с грустью посмотрел на крысу. – Нашел, чтобы отомстить... Ведь я раскрыл заговор тварей из преисподней, которые решили творить зло в образе лабораторных крыс.

Взволнованные дети принялись успокаивать Мамонова, предлагали помощь родителей, но тот лишь отрицательно качал головой, приговаривая, что от судьбы и от темных сил не убежать. Он полностью ушел в себя, перестав вообще как бы то ни было реагировать, и его оставили в покое.

А вечером, когда Петька Чалышев вновь вышел на прогулку после ужина, во дворе стояла «скорая помощь» и милицейский «уазик». Люди в мундирах и в белых халатах сгрудились вокруг лежащего возле скамейки тела – движимый любопытством, мальчик подошел поближе. И, прежде чем его раздраженно отогнали прочь, узнал неподвижного Мамонова.

Петька испуганно посеменил к подъезду, споткнулся обо что-то мягкое и отскочил в сторону. На него, злобно оскалившись, смотрела та самая серая крыса, о которой рассказывал и которую так боялся дядя Гриша. Мальчишка замер,

не в силах пошевелиться, а мерзкий грызун, как показалось Петьке, человеческим голосом бормоча под нос угрозы в его адрес, опрометью бросился со двора.

* * *

Андроповск (бывший Любгород), 1988 год. 15 сентября, четверг

В первой школе было заметно напряженно. Никто не гулял во дворе, и дело вряд ли было в любопытной серой крысе внушительных размеров, которая зорко оглядывала ворота со стороны помойки за столовой. Хотя, конечно, санэпидемстанция должна бы этим экземпляром заинтересоваться – на чем это он так отожрался... С такими мыслями Камышев прошагал до центрального входа, где его помимо бабульки-вахтерши встретил крепкий мужчина с залысинами, в спортивном костюме и с красной повязкой на рукаве.

– Вам куда, уважаемый? – он уверенно загородил дорогу следователю.

– Старший лейтенант Камышев, милиция, – сразу представился Валерий, достав из кармана удостоверение и раскрыв его перед лицом этого чересчур активного работника школы.

– Андрей Борисович Чирва, физрук, – мужчина тут же сбавил обороты и чуть отступил назад. – То есть учитель физкультуры... Я так понимаю, вы по поводу пропажи ре-

бят? Я могу вам помочь... Видел, как это произошло с Митей Ерохиным. Не успел перехватить.

Физрук, как он сам себя назвал, стиснул кулаки и даже скрежетнул зубами, Камышев деликатно сделал вид, будто этого не заметил, однако для себя сразу же отметил излишне беспокойное состояние своего собеседника. Между сведенными бровями Чирвы резко выделились вертикальные морщины, уголки рта опустились вниз, нижняя губа заметно дрожала. Взглядом мужчина упирался в пол – как минимум нервничал, и это мягко сказано.

Камышеву нравилось наблюдать за людьми и пытаться считывать их эмоции – нередко это ему помогало в беседах с подозреваемыми. Он, разумеется, не считал себя профессиональным физиогномистом, но убедился, что порой лицо человека может сказать больше, чем его же слова. Причем это не зависело от национальности или принадлежности к той или иной культуре. Преступникам, да и вообще людям свойственно врать, и порой достаточно было внимательно понаблюдать за мимикой собеседника. Что Камышев и старался делать.

– Может, пройдем куда-нибудь, где вам удобно было бы переговорить? – предложил он, понимая, что Чирва сейчас на взводе, и будет лучше, если выплеск эмоциям он даст, например, в спортзале или в кабинете.

– Да, конечно, – Андрей Борисович сделал над собой усилие, уняв волнение, и предложил калининскому сыщику сле-

довать за ним.

Камышев на ходу обернулся, посмотрел на сгорбленную спину бабульки-вахтерши в пуховом платке, и его сердце сжалось. Что она сделает этим преступникам, если они решат вернуться? Ничего ровным счетом, разве что позвонит в милицию согласно должностным обязанностям. Но пока парни доедут... Валерий решил, что обязательно озвучит Величуку идею поставить дежурных в обе андроповские школы. Странно, и почему местные милиционеры сами об этом не задумались?

Чирва тем временем открыл дверь в ленинскую комнату, пропустил следователя вперед, затем зашел сам. Камышев огляделся – обязательный гипсовый бюст вождя, знамена и горны, кубки, подшивки «Пионерской правды» и журнала «Костер». Как будто снова в беззаботное детство попал.

– Присаживайтесь, товарищ следователь, – физрук указал Камышеву на ряд стульев у стены и, не дожидаясь, разместился там первым. – Задавайте вопросы, я готов.

Камышев опустился на деревянный лакированный стул, внимательно глядя на Чирву. Ноздри педагога раздувались, зрачки расширились, но он действительно сдерживал себя.

– Расскажите, пожалуйста, что произошло с Митей Ерохиным, – как можно более участливо предложил Камышев. – И... все, что знаете, о случае с другим школьником.

– Собственно, первым был Алеша Попов, шестиклассник, – начал рассказывать Чирва. – Это видел наш школь-

ный сторож, Арсений Михалыч. Он потом запил и перестал работать... В общем, вы можете с ним поговорить, но ваши коллеги из городского отделения уже пытались, и ничего не вышло.

– Так, – кивнул Камышев, мысленно делая себе заметку.

– Ребята еще видели... – физрук протер вспотевшую лысину. – С ними можно попробовать пообщаться.

– Хорошо, – вновь кивнул Камышев. – Расскажите тогда, что вы видели уже сами.

– У меня тогда был урок физкультуры, – Чирва нервно сглотнул. – Стадион рядом, вы наверняка обратили внимание. А у Мити Ерохина освобождение, он со справкой ходил. От занятий, понятно, я его отстранил, но присутствовать такие ученики все равно обязаны. После урока он вперед ускакал, я отвлекся, и... – физрук выдохнул, успокаиваясь, и продолжил. – Смотрю, он уже в машину к этим нелюдям садится. Я закричал, но они с места тронулись как на гоночном «Москвиче», и уже через минуту, наверное, и след простыл.

– Милицию вызвали сразу же? – уточнил Камышев.

– Да, – подтвердил Чирва. – Тут же побежал на вахту, вызвал наряд, сообщил все приметы. Но мальчика не нашли.

Он уронил голову на раскрытые ладони, провел ими по мокрому от пота редким волосам, а потом резко вскинулся и посмотрел на Камышева.

– Вы ведь найдете их? – бесцветным голосом человека,

который потерял все, спросил Андрей Борисович. – Вы найдете этих тварей? Чтоб их расстреляли! Я бы и сам с удовольствием их к стенке поставил!..

– Мы сделаем все, что в наших силах, – тихо, но твердо пообещал Валерий несчастному педагогу.

Глава 12. Крыса

Андроповск (бывший Любгород), 1988 год. 15 сентября, четверг

Дети, которых Валерию привели по его просьбе, не рассказали ничего нового. Все уже было в подшивке свидетельских показаний, которые много часов изучал калининский следователь – марка и цвет машины, странный акцент одного из лысых пассажиров и их непривычная для провинциального советского города одежда. Правда, один из учеников, как и Ваня Самуйлов во второй школе, будто бы заметил на «Волге» номера ССД, но Камышев, хоть и отметил для себя эту деталь, списал ее наличие на впечатлительность паренька. Будь это другой случай, он точно бы обратил внимание на повтор даже таких странных показаний, но в Андроповске все словно встало с ног на голову.

Ребятишки, напуганные пропажей других школьников, начали наделять преступников невероятными способностями – будто бы они владели гипнозом и заставляли садиться в машину против воли. Но дети такой народ, что не приемлет безвыходных ситуаций, вот и с Камышевым мальчишки поделились известными им хитростями, которые точно должны были помочь в такой ситуации. Один говорил, что нужно просто не смотреть гипнотизеру в глаза и одновременно напевать песенку, чтобы не слушать его бормотание, а второй

сам придумал победить преступника зеркалом. Мол, нужно заставить его посмотреть на собственное отражение, и тогда он загипнотизирует сам себя. Валерий кивал с самым серьезным видом, поблагодарил ребят за полезные секреты, но на версии с «опасными» номерами пока что поставил маленький красный крестик.

Как это часто бывает при допросе маленьких свидетелей, которые всегда видят мир немного по-своему, сбор показаний зашел в тупик. И все же в итоге Камышев выделил из всего потока информации, полученной от детей, одну действительно любопытную деталь – шестиклассник Алеша Попов, который пропал первым, тоже не ходил на физкультуру, как и Митя Ерохин. И вообще, ребенком он был слабым, даже, как понял следователь, изгоем.

«Что это? – думал Валерий. – Совпадение? Или таких слабых проще привлечь? Если Попова другие дети не жаловали, ему явно не хватало общения, а те гады могли этим воспользоваться».

Опросив всех юных свидетелей, калининский сыщик неспешно шел по школьному двору, вспоминая дела в своей практике, которые могли бы ему помочь. К примеру, в прошлом году они с коллегами расследовали убийство мальчика рядом с бассейном «Пролетарка». Тот в одиночку ходил на секцию плавания, родители его не провожали и не встречали, о чем потом, мягко говоря, пожалели. Парнишке не очень везло в общении со сверстниками, мама с папой этот момент

упустили, предоставив сына самому себе, и этим воспользовался мерзавец, по трагическому недоразумению работавший тренером.

Расположив одинокого ребенка к себе, он в итоге заманил его к себе домой после занятий и жестоко убил. Следственная группа, в составе которой был и Камышев, выяснила, что тренер пытался провернуть это и с другими детьми, безошибочно выискивая одиноких и страдающих от недостатка внимания. Вот только тех родители сами забирали с секции, именно это их и спасло... А на допросе подлец пытался свалить все на пиковую даму. Будто бы услышал, как дети договаривались провести ритуал по ее вызову, и решил их предостеречь. Отобрал карты, провел воспитательную беседу, но таинственная женщина из его больного воображения якобы решила ему отомстить – перенесла на него положенную ей для ритуала жертву. Всеми силами тренер-убийца пытался косить под дурака, чтобы врачи признали его невменяемым, но эксперт Генрих Штольц из областной психиатрической больницы был непреклонен. Рассказни про пиковую даму, будто бы заставлявшую убивать детей, преступнику не помогли, и он понес наказание по всей строгости закона.

Дойдя до «шестерки» с терпеливо ожидавшимися его Матвеичем, следователь отвлекся от своих мыслей и вновь увидел серую крысу, внимательно наблюдающую за ним бусинками глаз, привстав на задние лапки. Не гоняет их тут, похоже, никто, вот и распоясались. Надо будет точно сообщ-

щить в местную СЭС. Камышев остановился и тоже посмотрел на зверька. Ему показалось, будто грызун сложил передние конечности на груди на человеческий манер, но Валерий тут же посмеялся сам над собой. Крыс по-прежнему наблюдал за ним, и молодой следователь, махнув рукой, сел в машину.

«Заработался, что ли? – он мысленно пожал плечами. – Не хватало еще разумных крыс... Глупости какие».

Назад Камышев ехал, погрузившись в раздумья. Чем глубже он закапывался в этом деле, тем больше странностей выплывало на поверхность. И самая главная из них – необъяснимая безнаказанность тварей, позволяющих себе столь наглые выходки, как нападение на сотрудника милиции прямо рядом с отделением. Что это? Безрассудство? Опьянение от хождения по грани? Такое тоже встречалось Валерию за годы службы в милиции. Преступники в определенный момент чувствуют силу, смелеют, начинают верить в свою исключительность. Камышеву однажды даже попался матерый налетчик, который искренне считал, будто его берегут высшие силы, отводя в сторону карающую длань правосудия. И когда его, наконец, задержали, тот никак не мог принять простой факт, что попался просто из-за собственной зашкаливающей наглости. А вовсе не от того, что от него отвернулась судьба.

Может, и с этими на черной «Волге» так же? Опьянели от крови, почувствовали безнаказанность. Если так, то скоро они начнут совершать ошибки. Собственно, уже совершают.

Что тогда станет их следующим шагом? Нападение на все отделение милиции? Открытое похищение ребенка прямо в стенах школы на глазах у вахтера и учителей? Не хотелось бы, чтобы до такого дошло, думал Камышев, но ошибки преступников – это подарок для следователя. Главное, чтобы не кровавый...

Не исключал Валерий и того, что у бандитов на «Волге» мог быть покровитель. Либо в райкоме, если один из них действительно входит в номенклатуру, либо в местной милиции. И вот последний вариант Камышеву нравился меньше всего. Служба в милиции, благодаря отцу, еще с детства представлялась ему благородным занятием, когда честные стражи порядка ловят бандитов и ставят их на путь исправления. Он еще искренне удивлялся наивности Володи Шарпова из телефильма «Место встречи изменить нельзя» – тот самый момент, когда он объяснял Жеглову, будто на войне проще, потому что ты сразу видишь, где враг. На то ведь и следователь, думал всегда Камышев, чтобы разыскивать этих самых врагов.

Но если преступник – это человек, который носит милицкий мундир... Возможно, даже тот, кто ходит вместе с тобой на службу, здоровается, болтает в курилке. Это, пожалуй, самое неприятное. К сожалению, такие люди встречались даже в рядах советской милиции. Что после революции, когда она только создавалась, что после войны, что в мирные годы – отец рассказывал Валерию, как лично брал тех, кто

порочил честь сотрудника МВД. Сам молодой следователь с этим еще не сталкивался и желанием таким не горел. Но отбрасывать какие бы то ни было версии просто потому, что они ему не нравились по личным соображениям, Камышев точно не собирался. Так что понаблюдать за коллегами определенно придется, возможно, потребуется запросить через Антонова их личные дела. Однако пока в этом не было крайней необходимости.

Валерий в очередной раз задумался, что жизнь даже рядового следователя – это сложный и зачастую непонятный для обычных людей процесс. Ненормированный рабочий день, постоянные опасности и риск быть если не убитым, то серьезно раненым, чудовищное нервное напряжение... Все это делало создание семьи крайне сложным, и Камышев искренне удивлялся, как некоторые его коллеги все же умудрялись жениться и даже завести детей. Лично ему было гораздо проще развиваться в профессии, а потому с личной жизнью у Валерия не ладилось. Если и появлялись на горизонте женщины, то долго не задерживались, не в силах выдержать его увлеченность работой и непредсказуемый график. Хотя, конечно, была в жизни молодого следователя девушка, которая искренне им интересовалась и даже готова была смириться с его профессиональной деятельностью. По крайней мере, ему так казалось.

Ее звали Вика, она работала учительницей младших классов в калининской школе и была близкой подругой его сест-

ры. Собственно, благодаря ей они и познакомились, пересекаясь на общих праздниках. Валерию, как говорится, прожужжали все уши, и тот в один момент все же поддался на уговоры и согласился на свидание. Романтическая особа, зачитывающаяся Тургеневым и Есениным, была немного его постарше и уже стремилась придать своей жизни стабильность. В то же время она верила в приметы, гороскоп и могла по-детски хлопать в ладоши, когда Валерий прогонял очередную крысу, которая собралась присоединиться к их свиданию на вечернем ипподроме.

Это было очень странно, непривычно, но в то же время притягивало. И каждый раз, прощаясь с Викой, Камышев словно чувствовал по ночам запах сирени. А потом все закончилось. Однажды она просто не пришла, и только сестра, хмурясь, передала, что той пришлось уехать. По работе... И это было довольно неожиданно. Валерий пытался найти Виду, но ее действительно не было ни дома, ни в школе. Никто ничего не знал, словно и не было такого человека, только аромат сирени еще месяц сводил молодого следователя с ума.

Он сам не хотел себе в этом признаваться, но те несколько недель, что они провели вместе, чуть не сломали его. И если бы не новое дело, которое с грустной улыбкой когда-то прошедшего через что-то похожее передал ему майор Антонов, Камышев, возможно, и не справился бы. Но работа, дело всей его жизни, словно яркий свет выжигало из Валерия

все лишнее. А потом в один день он проснулся и понял, что аромат сирени пропал. Это соседская черная кошка подбросила ему на балкон мертвую мышь, и уже этот запах пропитал всю квартиру.

В то утро Камышев ругался на весь дом, но одновременно не мог сдержать улыбку. Словно с него спало какое-то наваждение. Он окончательно принял, что Вика ушла. А заодно осознал, что повторять пока не готов. Может быть, когда-нибудь позже. А пока его долг перед обществом точно был не менее важен, чем семья.

– Ну, что? – спросил Апшилава, едва сев в машину, когда Матвейч с Камышевым, глубоко погружившимся в свои мысли, забрали его от книжного магазина. – Узнал что-нибудь интересное?

– Ничего нового, – покачал головой Валерий, очнувшись от своих воспоминаний.

Пожилой водитель набирал скорость, обгоняя медлительные пассажирские ЛиАЗы с их бутылочным перезвоном двигателей, поливалки и самосвалы. Машин в Андроповске было очень мало, и в отличие от Калинина, где уже появились старые иномарки, автопарк был по-провинциальному однообразен. Это натолкнуло следователя на одну важную мысль, и он даже отругал сам себя за то, что сразу не сообразил. Все-таки недостаточно еще опыта, решил Камышев, да и в городке этом все как-то вверх дном... У них тут люди пропадают, а сил на поиски опасных преступников бросили недостаточ-

но. И это еще мягко говоря! Но сначала дело, остановил он себя, а потом эмоции.

– Кстати, ты запрос в соседние районы отправил? – уточнил Валерий у Эдика. – Что там насчет черных «двадцать первых»?

– Лично всех обзвонил, – кивнул кавказец. – У нас тут, сам понимаешь, все по-простому и по-быстрому. Так вот, ни у кого из соседей в номенклатуре таких машин не числится. В такси, кстати, тоже – на «двадцать первых» уже никто не ездит.

– И хорошо, – попытался приободрить его Камышев. – Уже что-то. И мне еще вот что интересно – если они ездят издалека, где-то же они должны заправляться. Мастерская у них наверняка своя есть, чтобы не светиться. А с топливом сложнее.

– Ну да, – хмыкнул Апшилава. – У нас не капитализм, все заправки государственные. Вот только, Валера, мы это все уже проработали. Автомастерские я сразу на уши поднял, эта «Волга» ни в одну не заезжала. И на ближайших АЗС ее ни разу не видели, мы с гаишниками тесно работаем, у них ориентировка есть.

– Значит, нужно опять же напрячь соседей, – не унимался Камышев. – Бак у «двадцать первой» большой – шестьдесят литров, по-моему. Не в Андроповске, так где-то рядом заправляются.

– У меня ребята как раз этим занимаются, – вздохнул

Эдик. – Васька Спицын и Пашка Круглов, опера. Я тебя еще с ними не успел познакомить, некогда было со всеми этими приключениями. Тем более что они сейчас шерстят по району, кассиров на АЗС опрашивают, в автомастерские заглядывают. Даже одну подпольную параллельно накрыли. Но и там о черной «двадцать первой» без номеров ничего не знают.

– И когда твои опера вернутся? – спросил калининский следак, несколько смутившись от того, что недооценил андроповских милиционеров.

– В понедельник, – ответил курчавый напарник. – Так что немного полегче нам с тобой, Валер, будет.

– Это очень хорошо, – удовлетворенно кивнул Камышев. – Но давай пока вернемся к новому случаю. У тебя что по нему?

– А у меня ничего интересного, – Эдик с досадой ударил кулаком по ладони. – Сторож подробно описал наших клиентов, все сходится с предыдущими показаниями. Говорит, Федотова села к ним добровольно, не сопротивлялась. И будто бы при этом сама не своя была.

– Это как? – повернулся к нему Камышев.

– Ну, смотри, – его усатый коллега, вольготно расположившийся на заднем сиденье, свел брови к переносице, вспоминая детали. – Девушка, молодая и весьма симпатичная, возвращается поздно ночью домой. На улице темно и пусто. И тут она вдруг спокойно садится в незнакомую ма-

шину с кем попало. Причем весь город знает, что на черной «двадцать первой» разъезжают убийцы, но ее это почему-то не смущает.

– Ты знаешь, бывают такие люди, которые живут словно в своем радужном мире, – Валерий заговорил, глядя уже в окно. – Их ограбят, а они потом по той же подворотне ходят. Скажи им, что ураган ожидается, и нужно дома пересидеть, они рукой махнут и за хлебом пойдут.

– Наивные? – уточнил Апшилава.

– Скорее упертые, – ответил Валерий. – Мой родной дядя, брат отца, был ликвидатором в Чернобыле. Так вот он рассказывал, что некоторые местные, которые деревенские, не верят в радиацию. И поэтому остаются там, наплевав на здоровье. Мол, они радиацию не видят и не слышат, поэтому и нет ее. Не существует. А то, что у людей кожа потом слезает...

– Да уж, – проговорил Эдик. – Ты думаешь, наша Федотова из таких?

– Это просто версия, – пожал плечами Камышев. – Соберем побольше информации, и, надеюсь, появится что-то большее. Ты-то ничего не накопал?

– Сторож говорил, что чувствовал непонятный страх, – ответил усатый следователь, на мгновение задумавшись. – Боялся, но при этом не мог глаз оторвать. Смотрел, как эта девушка в машину к убийцам садится, словно замороженный. И сама она, говорит, будто во сне двигалась.

– Ты знаешь, Эдик, мне как раз в первой школе дети об этом рассказывали, – Валерий покачал головой. – Вроде как бандиты эти гипнозом владеют. Придется, наверно, зафиксировать эту версию, но лично я склоняюсь к тому, что кто-то из них просто ловкий манипулятор. Как цыганки: подбегит, начнет что-то рассказывать, руками махать, а потом сам не замечаешь, как остался без кошелька. Так и тут – заговорили человека, он и перестал обращать внимание на странности. У тебя, кстати, нет никого такого из местных на примете?

– Не, у нас все молчаливые, наоборот, – вздохнул Апшилава. – Разве что бабки болтать любят, но из них преступницы... Я уж скорее в версию с гипнотизером поверю. Впрочем, и то, и то....

Эдик махнул рукой, и Камышев кивнул в ответ. В бабок вроде Клавдии Макаровны из соседнего дома в Калининe и гипнотизеров он тоже верить не хотел. Хотя, если честно, его версия о том, что мрачные мужики показались молоденькой девушке подходящей компанией ночью, тоже была так себе. Но на безрыбье, как говорится...

– Адрес, где эта Федотова проживала, у тебя есть? – Валерий вновь повернулся к своему чернявому коллеге. – Надо бы заехать, пообщаться. Да и к подруге не мешало бы заглянуть.

– Все есть, – кивнул Эдик. – Давай сейчас на Дзержинского, Матвеич. Дом сорок восемь.

Глава 13. Как в тумане

**Конаковский район, берег Иваньковского водохрани-
лища, 1988 год. Ночь на 15 сентября, четверг**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.